

КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Краеведческий альманах

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

На наших глазах разворачивается процесс осмысления и оценки истории страны и дня сегодняшнего. Какова же она — современная действительность? Это вырубаемые леса, загубленные сплавом и промышленностью реки, отравленные химией поля, заброшенные, вымирающие наши села и деревни, запущенные города, разрушенные памятники старинного зодчества, оскверненные кладбища, убиваемая день ото дня душа нашего народа — Волга...

Пора лозунгов и надежд, что кто-то сверху все это исправит, прошла. Если мы — живущие здесь, на этой земле — по-прежнему будем пассивно взирать на то, что вокруг нас происходит (и неважно — с болью в душе или равнодушно), все останется как есть, а дальше будет еще хуже.

Сейчас нужны наши дела, пусть малые. Нужно пробуждение. Перестройка ведет к возрождению различных общественных движений, в том числе и одного из старейших — краеведческого. Встает вопрос о восстановлении организованного краеведения, уничтоженного в нашем крае — как и везде в стране — на рубеже 20—30-х годов. Краеведы — образованнейшие люди, знатоки истории, этнографии, архитектуры, народного быта, природных богатств, промыслов, экономики края — не могли не встать на пути организаторов насильственной коллективизации и разгрома кооперативного движения, не могли не выступать против массового разрушения старинных наших храмов, против безумного истребления русского леса. Известны трагические судьбы крупнейших краеведов костромской земли: В. И. Смирнова, Л. Н. Казаринова, Н. Н. Виноградова и многих других, познавших тюрьмы, ссылки и лагеря. Прошел через все это и человек, которому посвящен первый выпуск нашего альманаха, — А. А. Григоров.

Конечно, полностью краеведение уничтожить не удалось. В годы страшной войны сама жизнь заставила вновь обратиться к истории, к теням наших предков. Но ничего подобного 20-м годам — времени расцвета краеведения в нашей стране — больше уже не было. Хотя с военных лет краеведения официально не запрещали, не объявляли его лженаукой, но, по сути дела, до наших времен оно находилось где-то на «задворках» культурной жизни, держалось в весьма жестких рамках. Подвижнически трудились отдельные краеведы, занимались краеведческими изысканиями музеи, архивы, институты, но эта работа велась разобщенно, без материальной базы и координирующего центра.

Советский фонд культуры выступил инициатором возрождения по всей стране краеведческих объединений, считая, что краеведение консолидирует усилия ученых, специалистов с массовыми движениями общественности за спасение природы и культурного наследия. Время покажет, в каких конкретных формах организуется краеведческое движение Костромской области. Альманах «Костромская земля», первый выпуск которого мы предлагаем вниманию читателя, является первым шагом к такой организации.

Он задуман как постоянная трибуна для знатоков края. В первую очередь в нем будут помещаться материалы по экологии культуры и экологии природы. Альманах призван вести и традиционную просветительско-краеведческую работу, в нем будут постоянные рубрики: «Из истории Костромы», «Из истории городов края», «Из истории сел и деревень», «Из истории костромского краеведения», «Исследования и находки костромских краеведов» и др.

Предлагается опубликовать в альманахе ряд материалов из краеведческого наследия, по разным причинам не увидевших свет.

*Памяти Александра Александровича Григорова —
краеведа, ученого, Почетного гражданина г.
Костромы. Соловьева А. В. (Кострома)*

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОСТРОМСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Фонд культуры является общественной организацией в «чистом виде» (в штате областного отделения 1,5 единицы). Его роль в жизни страны всецело зависит от того, как поддержат фонд самые разные люди: интеллигенция и рабочие, крестьяне, учащиеся, студенты, пенсионеры, каким будет творческий и материальный (денежный) вклад в него каждого из нас.

Особенно велика роль энтузиастов, подвижников культуры. В наших костромских землях они есть, но, к сожалению, чаще горят как одинокие свечечки. Это краеведы (на них наше особое упование), это народные мастера, художники, поэты и писатели, журналисты, которые живут в костромской глубинке, служа ей верой и правдой. Это и музейные работники, преданные своему делу, и руководители самостоятельных коллективов, и все кто любит родной край, имеет вкус к краеведческой работе, но нуждается в поддержке друзей-единомышленников.

1.

*«Обеднели мы красотой. Из жилищ,
из утвари, из нас самих, из задач
наших ушло все красивое».*

Н. К. Рерих.

Магистральное направление деятельности Советского фонда культуры — это включение в нашу сегодняшнюю жизнь традиционной культуры: добрых старых обычаев, обрядов, праздников, возрождение и развитие народных промыслов и ремесел.

Разорив русскую деревню, мы разорили не одну экономику. Писатель Федор Абрамов назвал деревню «нивой, на которой всколосилась русская культура». Но нива захирела...

Какими путями и в каком виде можно вернуть в современную жизнь народные обычаи, обряды, песни, хороводы? Тут еще нужно думать и экспериментировать. Но уже сейчас можно использовать песенно-танцевальную народную культуру в воспитательных и образовательных целях. Областное отделение Всероссийского фонда культуры (в дальнейшем ВФК — А. С.) совместно с заинтересованными организациями будет проводить конкурсы на лучшего юного плясуна, гармониста, балалаечника, лучший фольклорный детский и молодежный коллектив.

Разнообразие, многозначность и поэзия народных праздников заменились у нас праздниками по сценариям, написанным в тиши городских контор. Из соображений антирелигиозных мы перестали праздновать Масленицу (древний языческий праздник, который церковь, кстати сказать, сильно «урезала»), а взамен изобрели «Проводы русской зимы» и провожаем ее совсем не так, как с давних времен прощались с зимой в этой деревне, в этих местах, а так, как написано не очень сведущим московским автором сценария, разосланного по всем городам и весям России.

А ведь был еще и Семик, который вобрала в себя впоследствии христианская Троица и который теперь заменен новоизобретенной «Русской березкой», были Святки, от которых, к сожалению, мы вовсе отказались.

Мы заново сочинили и новые обряды, оформляющие самые важные события в жизни человека: рождение, свадьбу, смерть. Ритуалы, выработанные многими поколениями и русских людей, возвратившие в себя глубокий смысл, красоту и поэзию, упростились, стали казенными мероприятиями, подлежащими отчетности. Другие обычаи и обряды, как, например, распространенный в Костромской губернии выюншиник — весеннее окликанье молодых, пожившихся только что прошедшей зимой, — исчезли совсем.

Оставшиеся жители наших скорбных деревень рады и таким праздникам, и ритуалам, которые для них сейчас организуют культпросветработники — как жить совсем без праздников?

Областное отделение ВФК видит свою цель в развертывании движения за восстановление исконных названий народных праздников и самих праздников (Святки, Масленица, Семик) с традиционными элементами: ряженые, масляничные костры, катанье с гор и на лошадях, гаданье на венках, украшение домов березовыми ветками, пенье традиционных песен и т. д., за возрождение народных игр.

Невозможно смириться с тем, что на Костромской земле почти полностью исчезли традиции колокольных звонов, и если в других местах — Ростове Великом, Суздале, Архангельске, Вологде — колокольный звон уже возрожден, то нам это еще только предстоит сделать: создать наборы гармонически настроенных колоколов, подготовить кадры звонарей. Этому делу наш Фонд культуры готов оказать всемерную поддержку.

В Костроме осталось только 3 старых кладбища, есть они и в других городах и селениях области. Они не ухожены многие могилы стали безымянными. Вероятно, стоит возродить традицию «Русского провинциального некрополя» и составить описание захоронений на всех старых и новых кладбищах. Старые же необходимо привести в порядок, поставить под государственную охрану.

В Костроме летом 1988 и 1989 года группа «Почин» проводила работы по благоустройству старых кладбищ — у церкви Иоанна Богослова, что рядом с Ипатьевским монастырем, и действующей церкви Спаса-на-Запрудне. Работа будет продолжена до полного благоустройства кладбищ. Опыт этот, мы надеемся, используют районные советы содействия Фонду культуры.

Серьезный вопрос — о роли областного отделения ВФК в развитии народных ремесел. Когда-то в каждом уезде Костромской губернии существовало несколько десятков кустарно-ремесленных промыслов. По данным 1914 г. в одном Буйском уезде их насчитывалось более 30. Сейчас количество промыслов и ремесел резко сократилось, многие, например, кузнечное, бондарное, печное, гончарное, на грани исчезновения. В планах областного отделения — открытие студий народных ремесел на основе самофинансирования с тем, чтобы по окончании их выпускники получали квалификационный диплом Фонда культуры.

Неплохо было бы также составить карты-схемы распространения в районах области традиционных народных промыслов и ремесел. Нерехтский район такую карту уже имеет.

Нужно привлекать кинолюбителей к созданию фильмов о народных мастерах, фольклорных коллективах, встречающихся в современной жизни, уцелевших элементах народных обычаев и обрядов.

2.

*«Человек должен знать, среди каких духовных ценностей он
живет,
и ощущать личную ответственность за их сохранение.
Только так
формируется чувство патриотизма — к нему нельзя
призывать,
но заботливо воспитывать необходимо».*

Д. С. Лихачев.

Перед Советским фондом культуры и его отделениями стоит задача организации краеведческого движения в стране. С этой целью наше областное отделение и издает краеведческий альманах «Костромская земля».

В планах отделения — подготовка к публикации сборников по истории культуры истории городов и сел Костромской области, фотоальбомов «Старые исторические города». Работа эта уже началась.

Четкие ориентиры в деле возрождения краеведения намечает программа «Культурное наследие и современность».

Это составление летописей городов, сел, деревень, районов, фабрик и заводов, колхозов и совхозов, школ,

вузов, училищ. Написание летописей может вестись одновременно с собирательской работой, направленной на сохранение народной истории: сбором мемуаров, писем, фотографий, записью воспоминаний и рассказов на магнитную ленту, фотографированием, созданием любительских кинофильмов.

Работу эту нельзя откладывать — вместе с людьми уходят живые документальные свидетельства о прошедших событиях и их участниках, творцах. Сегодняшние дни тоже принадлежат истории, а потому летописи нашей современной жизни следует собирать и хранить.

Нужно ли говорить, как важно в собирательскую и «летописную» деятельность вовлекать школьников, студентов, учащихся ПТУ и техникумов? Наш земляк, крупнейший советский археолог, член-корреспондент АН СССР Петр Николаевич Третьяков обязан своей судьбой детским увлечениям — он впервые участвовал в археологических раскопках еще будучи 12-летним мальчиком.

Костромская земля богата людьми, которые стали гордостью Отечества. Это и те, кто защищает свободу и независимость нашей Родины, и деятели науки и культуры, и другие достойные нашей благодарной памяти люди. О некоторых из них мы пишем и рассказываем, находим им место в музеях, устраиваем праздники, конференции, устанавливаем памятные знаки. Другие несправедливо забыты. Как ни трудно в это поверить, но даже жители Костромы имеют весьма смутное представление о П. Ф. Островском, А. Ф. Писемском, Б. М. Кустодиеве, П. М. Третьякове — основателе знаменитой галереи и его связях с Костромской землей.

Надо сделать так, чтобы жизни наших замечательных земляков, их труды, мысли и подвиги стали достоянием ныне живущих, «животворили» современную жизнь. Этому будет служить организация чтений, проведение конференций, праздников, выставок, культурно-просветительных вечеров, привлечение заинтересованных ведомств и организаций к их проведению.

Наша святая обязанность — привести в порядок захоронения деятелей культуры, установить мемориальные доски, памятные знаки, создать новые музеи. Первые шаги в этом направлении уже сделаны: в ноябре 1988 года в Костроме проведен культурно-просветительный вечер «Судьба и книги Вс. Ник. Иванова», посвященный 100-летию со дня рождения известного советского писателя, чья юность прошла в Костроме. В октябре 1989 года состоялся праздник, посвященный 195-летию со дня рождения протоиерея М. Я. Диева, видного историка, этнографа, краеведа. «Место действия» праздника — судиславская и нерехтская земля: первая приняла его прах, вторая вскормила крупного ученого и патриота.

Правление областного отделения ВФК поддержало инициативу костромичей по сбору народных средств на сооружение и проектирование памятника А. Ф. Писемскому в Костроме.

Заслуживают памяти не только люди и их дела, но и славные события: битвы на Святом озере, подвиг Ивана Сусанина. В каждом районе жили люди и происходили события, о которых нельзя забывать.

Сохранению благодарной памяти о людях, сделавших в свое время доброе для костромской культуры, послужит и присвоение их имен (с установлением пояснительных досок) основанным ими учреждениям культуры: П. А. Катенина — Чухломской районной библиотеке, П. Н. Ухова — Парфеньевской картинной галерее. С этими предложениями областное отделение намерено войти с ходатайством в советские органы.

Необходимо также восстановить справедливость по отношению к выдающимся деятелям культуры, на чьи средства были открыты во II половине XIX века крупные учебные заведения в Костроме и уездных городах, — имеются в виду Александр Николаевич Григоров (предед Почетного гражданина города Костромы А. А. Григорова) — основатель первой в России женской гимназии и Федор Васильевич Чижов, что заведущий почти все свое состояние на культурное строительство в Костромской губернии.

Областное отделение ВФК выступает за восстановление имени Ф. В. Чижова (на первых порах) в названиях

Костромского химико-механического техникума — в прошлом одного из чижовских училищ в Костроме, и СПТУ-23 в Чухломе, которое до революции официально называлось «Сельскохозяйственно-ремесленное училище Ф. В. Чижова». Сделать это нужно, по нашему мнению, не позднее 1991 года — в этом году исполняется 180 лет со дня рождения Федора Васильевича и 100 лет с начала строительства училищ на его средства.

Здание бывшей Григоровской гимназии (ул. Пятницкая, 2) теперь занимает один из корпусов пединститута. Установление мемориальной доски на этом корпусе и официальное наименование его, например, Григоровским (а не корпусом Б, как сейчас) — долг ныне живущих.

Память о людях, событиях, природных особенностях всегда находила отражение в названиях поселений, местечек, улиц. Паустовский считал это «народное поэтическое оформление страны» бесценным культурным богатством. В советское время начались массовые переименования: исчезала поэзия, история, в силу вступали либо соображения момента, либо непродуманные действия по увековечиванию чьей-либо памяти.

Одно из направлений своей деятельности отделение ВФК видит в работе по восстановлению исторических названий улиц, в составлении Красной книги географических названий Костромской области.

Многие географические названия исчезают потому, что умирают их носители — деревни. Думается, следует составить списки всех порушенных в XX веке деревень с сообщением всех известных о каждой деревне и ее жителях сведений. Эта акция, конечно, не поможет возродить наши деревни, но хотя бы не даст бесследно исчезнуть им из памяти народа и, смеем надеяться, поможет будущим поселенцам.

Видимо, сами жители сел и деревень наших уже почувствовали срочную необходимость такого дела: ученики Петроавловской 8-летней школы Павинского района под руководством своего учителя Валерия Николаевича Чигарева составили карту, на которой отмечены не существующие ныне деревни района. Надеемся, последователи у них найдутся и во многих других школах области. Да и только ли в школах?

3.

«Молодежь и культура» — эта программа Фонда культуры ставит целью приобщить молодежь к ценностям классической культуры.

Молодежная программа включает в себя проведение областным отделением ВФК совместно с управлением народного образования, музеем-заповедником, пединститутом конкурсов на лучшее школьное сочинение и лучший студенческий реферат на краеведческую тему.

В нашей области краеведение в школе не получило пока серьезной прописки. Думается, пришло время создать экспериментальную программу по школьному краеведению — совместными усилиями управления народного образования, энтузиастов-учителей, преподавателей вузов и музейных работников. Областное отделение ВФК выступит в этом случае в качестве инициатора и координатора.

Программа «Молодежь и культура» предусматривает и практическое приложение молодых сил на поприще культуры. Следует попытаться привлечь студенческие строительные отряды к консервации памятников истории и культуры, которые без этих консервационных работ смогут и не дожидаться будущей реставрации.

* * *

Таковы основные направления деятельности Костромского областного отделения ВФК до 2000 года. Они не являются каноническими: программы Фонда культуры носят открытый характер, и все заслуживающие внимания акции и инициативы, направленные на сохранение, освоение и приумножение культурных ценностей, от кого бы они ни исходили, будут поддержаны правлением отделения.

1. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ

ПАМЯТИ А. А. ГРИГОРОВА

Менее года прошло с тех пор, как Александру Александровичу Григорову было присвоено звание Почетного гражданина города Костромы. Это ни для кого из знавших Александра Александровича не было неожиданностью: он пользовался неизменным уважением, протекающим из осознания его роли и вклада в развитие отечественной исторической науки, из признания благородных качеств его натуры. Так что официальное установление звания только закрепило то, что присутствовало в нашей жизни как объективная данность. Наверное, такое единодушие в признании заслуг человека бывает не столь часто, впрочем, и в жизни нашей такие люди, как А. А. Григоров, — не такое уж частое явление.

Родился Александр Александрович 19 марта (н. ст.) 1904 года в усадьбе Александровское Кинешемского уезда (ныне Островский район) в дворянской семье. В начале жизни законченного образования он не получил — учился в Московском кадетском корпусе, окончил который не пришлось: свершилась революция.

Начались трудные годы поисков пристанища и средств к существованию: Москва, Украина (там жили родственники Григоровых) и, наконец, снова Александровское. Местные крестьяне по-доброму отнеслись к своим бывшим господам. Здесь и начался его основной трудовой путь: рабочего, бухгалтера, лесотехника. Работал Александр Александрович добросовестно и ответственно.

Времена беззаконий и репрессий трагически отозвались как в жизни самого А. А. Григорова, так и в судьбах всех членов его семьи. В первый раз его арестовали в 1930 году, освободив без малого через год. Второй арест отодвинулся на 10 лет. В 1940 году по обвинению в контрреволюционной деятельности (статья 58-10) его снова забрали, одновременно арестовали и жену, Марию Григорьевну, урожденную Хомутозу, а две их дочери, младшей из которых было 6 лет, фактически стали сиротами.

18 лет лагерей и ссылки — обыкновенный в то время срок для «контрреволюционеров» — выпали на долю Александра Александровича. Лагерь Карелии, Коми АССР, Дальнего Востока, Бирюса, Казахстан — места пребывания заключенного и ссыльного А. А. Григорова.

В 1956 году его реабилитируют «за отсутствием состава преступления», и семья Григоровых (к этому времени Александр Александрович встретится со своей женой и старшей дочерью Любовью) переезжает в Кострому. Началась жизнь по частным квартирам, работа бухгалтером на хлебокомбинате. В 1964 году — выход на пенсию.

С этого момента А. А. Григоров полностью отдается делу, которое стало самым главным в его жизни, — работает в архивах и библиотеках страны, занимается генеалогией костромского дворянства, собирает и классифицирует массу самых разных сведений: по истории русского военно-морского флота, о роде Пушкиных, о декабристах — уроженцах Костромской губернии, о костромских участниках войны 1812 года, об усадьбе Щелькова и ее владельцах, о солигаличском художнике Григории Островском и др. Он написал родословную Лермонтова, составил подробные списки десятков дворянских родов: Катениных, Лермонтовых, Черевиных, Невельских и др.

К нему приходит известность в кругах исследователей — архивных и музейных работников, литературоведов, историков, краеведов, просто людей, интересующихся отечественной историей и культурой. Его знают, ему пишут из всех уголков страны, из-за рубежа. Почти нет такого вопроса, на который бы Александр Александрович не мог исчерпывающе ответить. К нему идут и едут, и здесь, в доме 31 по ул. Крупской, находят привлекательную встречу и готовность помочь.

Во времена, когда краеведение официально не запрещалось, но и не поощрялось, А. А. Григоров занимается активной его популяризацией: посылает свои статьи в областные и районные газеты (которые далеко

не всегда охотно и полностью их печатали, хотя за 1971—1988 гг. опубликовано около 100 его работ), выступает перед работниками музеев, библиотек, архивов.

По инициативе и ходатайству областного отделения Всероссийского фонда культуры в конце марта 1989 года Александру Александровичу присваивается звание Почетного гражданина города Костромы, чуть позже назначается персональная пенсия местного значения. Активисты Фонда культуры заканчивают подготовку к изданию сборника его трудов. Но времени на жизнь уже не остается. 8 октября 1989 года А. А. Григоров умирает.

Его похоронили на заволжском кладбище рядом с женой — любимой и верной подругой.

К сожалению, при жизни этого замечательного ученого увидели свет только 4 книги, написанные А. А. Григоровым в соавторстве с другими исследователями: «Вокруг «Щелькова» (Ярославль, 1972), «Новые открытия советских реставраторов. Солигаличские находки» (М., Сов. худ., 1976), «Костромичи на Амуре» (Ярославль, 1979), «Спасенная красота» (М., «Просвещение», 1986). Большая часть его работ осталась неизданной.

В нашем альманахе мы помещаем небольшую статью А. А. Григорова, написанную к 825-летию Костромы и в авторском варианте нигде не публиковавшуюся.

Григоров А. А. | (Кострома)

НЕМНОГО О ПРОШЛОМ ЗАВОЛЖЬЯ г. КОСТРОМЫ

Расположенный на правой, так называемой «нагорной», стороне Волги, современный Димитровский район Костромы имеет очень древнюю историю.

К сожалению, археологические исследования, производившиеся в районе села Городище, были столь краткими, что дали весьма незначительные результаты, по которым бы можно было восстановить древнее прошлое этого района. Однако все же можно сказать утвердительно, что местность, где было расположено Городище, была заселена людьми еще в неолите. Да и само название — «Городище», равно как и расположенное поблизости село «Селище», указывает на то, что в давние времена здесь были населенные пункты.

Письменные источники ничего нам не сообщают о времени ранее XV века. И таких источников до конца XVI века в нашем распоряжении имеется весьма мало. Из входящих в границы нынешнего Димитровского района селений — бывших сел Селище, Городище, слобод Никольской, Спасской, Камустиной, усадеб Паново и Мальшково, деревень Говядиново, Михалево, Пантусово, Малышково, Козелино — самые древние известия до нас дошли про село Селище. В XV веке это село упоминается как бывшее во владении бояр Глинских, родственников московских Великих князей.

Из дошедших до нас грамот конца XVI века видим, что царь Федор Иоаннович, сын Ивана Грозного, отдал во владение Ипатьевскому монастырю слободу Спасскую и деревню Говядиново вместе с другими окрестными селениями — селом Солониковым и деревнями Каримово, Ключниково, Самково, Средняя и Становицково.

По административному делению XVI и XVII веков, вся территория нынешнего Димитровского района относилась к двум станам: первый, называвшийся «Дмитровцовым станом», включал в себя всю территорию, расположенную по левой стороне нынешней Московской улицы, а вся остальная часть, расположенная по правой стороне от Московской улицы, относилась к «Иванчужскому стану» — село Селище, деревня Козелино.

От XVII века до нас дошло уже значительно большее количество документальных свидетельств о прошлом Заволжья. Из этих документов мы видим, что в стародавние времена слобода Спасская называлась «слобода Голяда», и, очевидно, от этого названия произошло имя деревни Говядиново, в прошлом называвшейся «Голядино», населенной выходцами из слободы «Голяда». Это подтверждается и тем, что в сороковых годах XIX века, когда жители Спасской слободы просили об исключении их из крестьян и о приписке к помещицкому сословию, они отказывались от принадлежащей им пахотной земли, оставляя за собой лишь приусадебные

участки, в пользу крестьян деревни Говядиново на том основании, что крестьяне Говядиново, как вышедшие из Спасской слободы, имеют право на эту землю. Видимо, прежнее название деревни «Голедино» или «Голединово» со временем трансформировалось в позднейшее название «Говядиново», сохранившееся до наших дней.

Что же представляли из себя в XVII и XVIII веке селения, ныне составляющие Димитровский район? По описанию 1627 года, село Селище, состоявшее во владении боярина князя Ивана Михайловича Глинского, включало три церкви: первая, Антонины и Александры, деревянная, ныне на месте ее стоит церковь во имя тех же Антонины и Александры, построенная на месте пришедшей в ветхость деревянной в начале XIX века. Вторая — тоже деревянная, «клецкая», то есть рубленая «в клетку», во имя Егория, она простояла очень долго и была уничтожена за полной ветхостью в начале XX века. Третья, во имя Ильи, уже в 1627 году была настолько ветха, что «стояла без поля». Кроме того, в селе было 7 келий нищих, боярский двор князей Глинских и 18 крестьянских дворов.

Затем Селище было отнято у князей Глинских и к середине XVIII века находилось во владении уже нескольких лиц, в числе их был и Костромской наместник, граф Р. Л. Воронцов, ему же принадлежала и загородная усадьба на левой стороне Волги, Опалиха, где была открыта в середине XVIII века одна из первых фабрик, производивших парусину. В числе других владельцев были Поливановы, Каблуковы, Хитровы, Нащекины и другие. Кроме крестьянских дворов, которых было в 1779 году 68, в Селище имелось 4 господские усадьбы. В XX веке их владельцами были — семья Купреяновых, из которой вышел известный художник-график Н. Н. Купреянов (1894—1933), сын его Я. Н. Купреянов (род. 1932 г.) — один из советских скульпторов. Другая усадьба была во владении Мягковых; эта фамилия была в родстве с известным народником, писателем и философом Н. К. Михайловским (1842—1904), который неоднократно бывал у Мягковых в Селище. Там образовался кружок из русской прогрессивной интеллигенции, и все жившие в этой усадьбе лица и к ним приезжавшие все время находились под наблюдением полиции. Третья усадьба принадлежала семье Перелешиных, которые, также быв в родственной связи с Мягковыми и так же придерживаясь прогрессивных взглядов, находились под бдительным надзором полиции. Все это подтверждается сохранившимися в архиве документами жандармского управления. Четвертая усадьба принадлежала Ратыковым, которые получили ее от первоначальных владельцев — Поливановых.

Приводим выдержки из «Экономического описания» к генеральному межеванию 1770 года по селу Селищу: «Село Селище, в оном 68 крестьянских дворов и в них живет душ мужска пола 178 и женска пола 182 души. Да 4 господских дома. Земли всей при селе 956 десятин. Село при реках Кунчевке (Ключевке — А. Г.) и Волге. Кунчевка имеет глубины 1/2 аршина и ширины 2 сажени, в ней водится рыба — щуки, окуни и плотва, которая ловится для кгосподского обиходу». На той реке стоит мукомольня, мельница об одном поставе, действие свое имеет круглый год, до разлива реки Волги. Оброк с мельницы 50 рублей в год в пользу владельца. Река Волга в летнее жаркое время имеет глубины 5 аршин, и ширины 350 сажен. В ней рыба водится: сомы, белуги, белорыбица, осетры, головли и прочих пород. Рыба из оной реки вылавливается жителями села Селище для продажи. По оной реке Волге имеется судовой ход от самого вскрытия и до зимы, барками и расшивами, с хлебом, солью, вином до Рыбинска, где бывает перегрузка на мелкие суда. Крестьяне села Селище, кроме хлебопашества, занимаются по большей части сапожным ремеслом и рыбной ловлей, а также зимою в извозе, а летом ходят на барках и стругах, а некоторые работают на Костромских льняных фабриках. Все крестьяне состоят на господском изделе, землю пахнут на своих господ и частью на себя. Хлеб лучше всего родится рожь и пшеница, яровое хуже, а сенокосы очень хороши, против других мест лучше. В лесу водятся звери — волки, зайцы, белки; в полях — жаворонки, перепела и дикие голуби, а при воде — дикие утки и

кулики. Женщины того села, кроме своих полевых и огородных работ, упражняются в рукоделье, прядут лен и шерсть и ткнут холсты и сукна как для себя, так и на продажу».

В слободе Никольской, что вправо от нынешней улицы Московской, было в 1649 году жителей 94 человека, стояло три лавки с молочным товаром и один кабак. В Никольской же слободе был также и «Патриарший двор», так как обе эти слободы — Никольская и Спасская — находились до 1764 года во владении Ипатьевского монастыря.

Интересно отметить, что в 1650 году жителям обеих слобод было запрещено иметь лавки в самом городе Костроме. Вот как это было записано в одном документе: «А тех слобод (Спасской и Никольской — А. Г.) крестьян на Костроме в городе и на посаде, лавки и всякие промыслы дать на крепкие поруки, что им, крестьянам, в лаваках и погребках не сидеть, не торговать, варниц и кабаков не открывать, а все те лавки и погребки и варницы подать тяглым людям. Тех слобод приезжим крестьянам со всяким товаром продавать по зольным ценам в Гостином дворе беспенно, с возоз и со стругов».

Село Городище с давних времен во владении бояр Морозовых. После опалы Морозовых в 1672 году Городище было «отписано» на Великого государя, который пожаловал затем это село боярину Хитрову. Сохранившаяся до наших дней каменная церковь Ильи и Рождества Христова значит построеной в 1683 году. Но эта дата, как видно, относится не к первоначальной постройке, а лишь к перестройке или капитальному ремонту. Ибо в документах за 1663 г. она значится уже как построенная, о пяти главах, каменная. Строителем церкви был боярин Г. И. Морозов. В самом селе Городище у Морозова были «боярские хоромы», по описи в них было «три горницы».

Деревни Пантусово, Михалево, Малышково и Козелино — все были во владении множества господ. Слобода под названием «Камустина» ныне давно уже не существует. Судя по описанию, она была расположена по оврагу Шалыгину. Можно предположить, потому что до наших дней существует фамилия Шалыгиных, дома которых расположены по одному из оврагов, на берегу Волги, что эта Камустина слобода (в 1777 г. в ней было 16 дворов) находилась там, где ныне проходит улица Широкая.

Все эти деревни были населены крестьянами, состоящими на оброке. В XVIII веке во всех этих селениях оброк составлял по 3 рубля в год с тягла. В XIX веке оброк неизменно повышался, и к моменту крестьянской реформы 1861 года доходил до 30—35 рублей в год с тягла.

Кроме упомянутых в селе Селище четырех господских усадеб и «боярских хором», в Городище имелись еще две усадьбы; одна — Малышково, на базе которой ныне расположен дом отдыха «Костромской», и другая — Паново, ныне место застройки микрорайона Паново, завода «Мотордеталь». В начале XIX века владельцами обеих этих усадеб были Мошковы, а затем усадьбы перешли в руки: Паново — владельцу мукомольной мельницы Аристову, а Малышково — адвокату С. А. Китичину.

До постройки железной дороги, связавшей Кострому с Ярославлем, Москвой, Иваново-Вознесенском, жизнь во всех перечисленных селениях текла тихо и спокойно, уклад жизни конца XIX века мало в чем отличался от уклада жизни XVII века. Жители слободы Спасской обслуживали перевоз через Волгу. Почти в каждом доме были перевозчики, доставлявшие через Волгу на своих больших лодках пассажиров с одного берега на другой. С постройкой железной дороги этот район преобразился. Стали открываться одно за другим промышленные предприятия, открылась амбулатория при железнодорожной станции, вслед за ней — от земства, там, где ныне магазин уцененных товаров. Возникли школы: начальные земские училища в д. Малышково и в с. Селище. В с. Городище открылась учебная ферма сельского хозяйства. Многие жители слобод и сел стали работать на лесопильных и иных мелких заводах.

Новый толчок развитию района был дан в 1915 году,

когда с началом 1-й мировой войны в Кострому был эвакуирован из Риги инструментальный завод фирмы Л. Ф. Пло. Это был небольшой завод, расположившийся на купленной у помещика с. Селище Мягкова земле, в непосредственной близости от Селища и Никольской слободы. С сентября 1915 года завод на новом месте уже стал выпускать продукцию, преимущественно для нужд войны: колючую проволоку, ножницы для ее резки и всякого рода инструменты, а также гидропрессы. С открытием этого завода (ныне экскаваторный завод «Рабочий металлист») район зажил новой жизнью. К декабрю 1915 года на этом заводе работало уже свыше 600 человек. В то время во всех селениях, ныне входящих в Димитровский район, население не превышало 6 тысяч человек, а так как большая часть трудоспособных мужчин была в армии, то на заводе широко стал применяться женский труд. Кроме того, вместе с заводом из Риги прибыла и часть кадровых его рабочих, преимущественно латышей. События первой мировой войны, быстро возникшая хозяйственная разруха, обусловленная как военными трудностями, так и неспособностью правящего режима, способствовали развитию сознания рабочих завода, и уже в 1916 году на заводе возникла первая подпольная большевистская организация, созданная М. В. Задориным, А. А. Симановским и др. При Советской власти в районе возникли новые заводы: «Строммашина», силикатный, ремонтно-механический, гигантский завод «Мотордеталь», построено много школ, больница, Дом культуры, ежегодно возводятся многие корпуса жилищ. С постройкой автомобильного моста через Волгу установилась постоянная связь с левобережной частью города. Не узнать прежних деревьев, опоясанных полями и обросших гумнами, овинами и огородами, и нынешние жители Заволжья совсем уже не похожи на прежних жителей Селища, Пантусова, Михалева.

Вс. Н. Иванов.

ЮНОСТЬ И СВОБОДА (Отрывок)

Помещаемый фрагмент принадлежит перу известного русского писателя Всеволода Никаноровича Иванова (1888—1971), человека непростой судьбы. Родился Вс. Н. Иванов в г. Волковыске Гродненской губернии, где в то время служил в уездном училище его отец, но детство и немалая часть юности прошли у Иванова в Костроме, которую он и считал всегда своей родиной. После окончания старой костромской гимназии на Муравьевке он в 1906—1912 гг. учится в Петербургском, а позднее — в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах в Германии. В 1-ю мировую войну Всеволод Никанорович служит в действующей армии. Октябрьская революция застала его в Перми, и вскоре трагедия раздирающей страну гражданской войны привела Ивана в армию Колчака, а в 1922 г. он, как и сотни тысяч других русских людей, оказался в эмиграции, сначала в Корею, а затем — в Китае. С 1925 года Всеволод Никанорович сотрудничает с ТАСС. Получив в 1945 г. разрешение вернуться в СССР, он поселяется в Хабаровске (вернуться в центр России ему не разрешили) и живет здесь до самой смерти.

Вс. Н. Иванов — автор целого ряда книг, из которых наиболее выдающимися являются: исследование о русском художнике и мыслителе Н. К. Рерихе (конец 30-х гг.), роман-хроника «На Нижней Дебре» (1958 г.), в котором он описывает Кострому своего детства, «Александр Пушкин и его время» (1970 г.) и др. В последние годы своей жизни Всеволод Никанорович писал, может быть, самый главный свой труд — воспоминания. Правдивый рассказ писателя о своей жизни (1-я мировая война, революция, колчаковщина, эмиграция) долгие годы не мог увидеть свет. Перестройка сделала возможной его опубликование. В 1987 году в журнале «Дальний Восток» в номерах 7 и 8 был напечатан журнальный вариант 1-го тома воспоминаний, посвященный главным образом костромскому периоду жизни Всеволода Никаноровича. Вниманию читателей предлагается фрагмент воспоминаний, названный редакцией журнала «Юность и свобода».

* * *

«За девять веков своего существования Кострома накопила так много обычаев, навыков, сказаний, песен, поверий, освоила столько глубоких и тонких человеческих переживаний, что стала казаться мне не скоплением каменных домов и деревянных изб, базаров и церквей, где жили какие-то разные люди — «костромичи», а единым живым целым. Ведь костромичей было тогда в городе тысяч сорок! Шутка ли! Приехав в Кострому, мы, чужаки, сперва держались в сторонке, узнавая местные новости из «Губернского календаря» или «Костромского листка» и «Губернских ведомостей», то есть по печатному. А Кострома сплошь была напечатана. Да что такое Кострома? Почему Кострома? Что значит «Кострома»? Разве узнаешь это из газет? И выходило по просвещенным газетам и календарям, что «Кострома» эта самая — просто суезерие. Конфуз! Кострома — город в сорок тысяч населения, где имелись сорок церквей, фабрики, пароходства, железная дорога, и вдруг — суезерие! «Все врут календарю!». Ведь я слышал, что Кострома существовала и была даже божеством нашего города. Куда она девалась, не знал и всезнающий историк Костромы протоиерей Иоанн Сырцов, настоятель Успенского кафедрального собора и председатель местной архивной комиссии.

А вот народ знал. И когда после нового 1897 года солнце пошло на весну и снега зарозовели по вечерам, заскорузли серебряным настоем, потемнели дороги, вслед за масленицей — широкой, улыбочивой, веселой, явилась едва ли не в последний раз Кострома, вымахнувшая жарким пламенем из глубины народной души... Когда весеннее тепло животворно разливалось в воздухе, когда соки, подкрепленные талой водой из земли, кинулись будить деревья, приводить их в чувство, когда зазвенели овражки, а воробьи и мальчишки заплескались в лужах, все костромичи ровно в полдень усаживались за столы. Они встречали веску! Они ели круглые, как солнце, блины, пили хмельное и от еды, от питья, от тепла, от света отходили душой, и все, что спало, дремало у них под спудом, замороженное зимой, сердитым государственным порядком, умными книгами, которые, как известно, никому не дают слова сказать несерьезного, — все это преображалось в восторг. В этот день костромичи, на взгляд людей просвещенных, делали вещи явно недопустимые: наша соседка по Ивановской улице, купчиха Шестинская, например, ходила с блинами в руках к колодцу, кликала там свою мамыньку родную, объявляла ей и всей родне, что пришла весна-красна, и бросала в воду угощение. Солнце будило в душах древние чувства, весенний хмель, и, конечно, водичные воды Петра Смирнова у Чугунного моста в Москве своими питьями поддввали жару, и на улицах Костромы, словно из-под земли, воскресали древние нравы. А может, они и не умирали.

Вокруг площади с пожарной ампирной каланчой, вокруг памятника Сусанину работы Демут-Малиновского бешено мчались тройки, запряженные в огромные беды с коврами сани, одиночные рысистые выезды в беговушках-эгоистках или просто дровни с наброшенным поверх соломы ковриком. Гривастые, могучие, похожие на львов лошади в бубенцах, колокольцах, лентах рвались наперегонки, и тут же трусили в меру своих сил непритязательные савраски.

В санях сидели, лежали, стояли веселые хмельные люди, размахивали, кружили вожжами и кнутами над головой; женщины в алых, зеленых, голубых, синих плюшевых ротондах с пышными меховыми воротничками, покрытые в роспуск цветными платками, из-под которых выглядывали старинные «ряски» — жемчужные сетки, хохотали, пели, кричали. Улицы запружены подыпишим народом — сильным, властным, красивым, необыкновенно говорливым и хлестко остроумным. Солнце вытопило эту силу, и бурный карнавал скакал, несясь с площади по широкой Павловской улице мимо дворянского собрания, старого уютного костромского театра, дома богатейших купцов Солодовниковых все дальше к Галицкому тракту, а затем обратно.

В бурном развороте этого веселья тонули, терялись и чиновники, и офицеры, и даже городозые, временно

прекращавшие свою культуртрегерскую деятельность. Я убежал на улицу от блинов, а с улицы возвращался к блинам, везде надо было успеть. Русский древний карнавал набирал свою силу...

И вот тогда-то, как царица к своему народу, явилась нам, всем костромичам, сама наша мать Кострома. Я видел ее. В пятницу и субботу, перед последним веселым воскресеньем; подростки из Красного, Мясного, Рыбного, Пирожного, Щепяного, Табачного, Мучного, Пляного рядов бегали по лавкам и дворам, собирая, стаскивая на лед Волги под Молочной горой, все, что только могло гореть. Как, зачем, почему — при этих сборах не говорилось, твердилось только одно: «Давай!» И все давали... В лавках Войлошников, что торговали фруктами, выносили корзины из-под винограда и яблок, купцы Песков и Кудрявцев жертвовали керосин, а то и бочки из-под горячего, олифы, краски. У Сашки Репина, что держал портмойни на Волге, где бабы полоскали белье, народ иной раз растаскивал даже лавы, не говоря уже о дрисах.

Перед заходом последнего солнца масленицы на волжском льду возвышались целые горы из бочек, старых рогож, сена, соломы, залитые керосином. Тут же наготове лежали сороды, заслонки, жестяные бачки, жаровни, старые ведра, тазы...

Перед сумерками на льду уже ходуном ходит черная толпа, мощная, веселая, живая... Здесь рабочие Михинской, Кашинской и Зотовской льняных мануфактур с женами и ребятами, в коротких чуйках, картузах, высоких сапогах; тут и ремесленные люди — сапожники, столяры, плотники, бочары, колокольные мастера; здесь и купечество, приказчики, служащие всех этих гостинных рядов. С ними огородники из окрестных сел, маляры из татарской слободы, матросы, лодочники и водоливы, и плотовщики, и пекари, и булочники, и колбасники, и мясники — словом все, кто работает руками своими, обихаживает и кормит себя, и семью, и горожан.

На этих последних карнавалах не видно было ни студента, ни гимназиста, ни чиновника, ни большого купца, ни барина... Из всей костромской интеллигенции присутствовал здесь лишь знаменитый местный латинист Карандаш, декламировавший на латыни речи Цицерона, отрывки из Тита Ливия, сатиры Горация. Но ведь Карандаш был гордым босяком, «зимогором», пьяницей, обитателем ночлежного дома имени купца Гордея Чернова и непримиримым обличителем мешанского благополучия. Появление его на гулянье никого не удивило.

Но вот в самом центре широкого круга поднялось, на манер наседки среди цыплят, огромное чучело из соломы, из рожек, из хвоста, страшное, как ящер, вертящееся и приплясывающее. Волга залита багровым светом заката, чернеет на заре Ипатьевский монастырь, а народное это вече поет во весь голос и пляшет. Гремит пушка, вспыхивает все, что может гореть, вздымается черный дым, и, наконец, змеи огня охватывают, пожирают божество Кострому... И огонь с земли отдает огню небесному свою хмельную, живую силу.

Такой я видел Кострому в далекие времена, почти семьдесят лет тому назад, а отец крепко держал меня за руку, чтобы я не убежал от него на лед.

Потрясающее впечатление произвели на меня этот пляс, рев, стук, огни, песни, сожжение Костромы, все, что я наблюдал с площадки у древней крепостной стены собора. Я видел то, что не увидишь в музеях, о чем не прочтешь в книгах. У всех участников карнавала, несомненно, были единая Воля, некое единое сердце, бьющееся в лад со всем годичным кругом солнечных праздников, а главное — свой особый язык, подлинная народная религия...».

II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Флейман Е. А. (Кострома)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОСТРОМСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА ПО ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОГО КРАЯ в 1917—1930 гг.

В истории отечественного краеведения 1917—1930 гг. занимают особое место. Великий Октябрь раскрыл огромный потенциал народного творчества в области науч-

ной и краеведческой деятельности. О большой популярности краеведения после революции свидетельствует рост краеведческих организаций. До 1917 г. в нашей стране их было 155, в 1927 — 1688¹, в 1930—2334². В 1921 г. было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК) — научный и организационный центр краеведческого движения. С 1923 г. стал выходить журнал «Краеведение», а с 1925 г. издавались «Известия ЦБК». Состоялось четыре краеведческих форума РСФСР и СССР (1921, 1924, 1927 и 1930 гг.).

Как видим, в 1920-х гг. в нашей стране сложилась единая общественная краеведческая организация с всеююзным центром, а на местах — краеведческими обществами и их ячейками.

Одним из таких краеведческих обществ было «Костромское научное общество по изучению местного края», которое просуществовало до 1930 года. Открылось оно в мае 1912 г. Эта краеведческая организация оказала заметное влияние на культурную жизнь дореволюционной Костромы.

После Великого Октября отечественное краеведение стало развиваться на совершенно иной качественной основе. Перед партийными и советскими органами встал вопрос об изменении краеведения в соответствии с потребностями социалистического строя.

Работа Костромского общества после революции заметно активизировалась. О популярности краеведения после Октября свидетельствует рост его рядов. Так, за период с 1917 — первая половина 1918 гг. численность общества возросла с 364³ до 441⁴ человека. В 1928 г. в обществе состояло 787⁵ человек.

В структуру этой общественной организации в 1917—1930 гг. входило 33 уездных и волостных краеведческих объединения. Отметим, что до 1917 г. в уездах и волостях губернии краеведческих организаций не было вообще. По признаку ЦБК, Костромское научное общество в 20-х гг. являлось крупнейшим общественным краеведческим формированием в стране⁶. Его почетными членами были, например, географ и ботаник Г. Ф. Морозов (1867—1920), антрополог Е. М. Чепурковский (1871—1950). В обществе начинали свою научную деятельность будущие видные советские ученые: археолог П. Н. Третьяков, историк И. В. Мешалин, ихтиолог И. Ф. Правдин и др.

Пополнение краеведческих сил происходило в основном за счет интеллигенции. Среди краеведов было немало квалифицированных специалистов, хорошо знавших особенности экономики и культуры своего края: статистики, музейные и архивные деятели, учителя и агрономы и т. п. Важно было осторожно и не стесняя творческой инициативы интеллигенции, среди которой было много представителей дореволюционной науки, направлять ее в русло социалистического строительства. Являясь одним из каналов по вовлечению буржуазных специалистов в строительство новой жизни, Костромское общество во многом восполняло недостаток в губернии, особенно в первые годы Советской власти, государственных научно-исследовательских учреждений.

Значительную роль в координации научной работы общества играли губернские и уездные краеведческие съезды и конференции. В 20-х гг. они являлись существенным фактором в жизни губернии — на них обсуждались актуальные вопросы хозяйства и культуры. Так, например, 1-я конференция по изучению производительных сил (1—3 декабря 1924 г.) рассматривала проблемы изучения природы, сельского хозяйства, промыслов. Всего было заслушано 38 докладов, многие из которых представляли итог многолетней научно-исследовательской работы краеведов. На 1-м губернском краеведческом съезде (15—17 июня 1924 г.) было предло-

¹ Известия Центрального бюро краеведения. — 1927. — № 8. — С. 266.

² Советское краеведение. — 1930. — № 6. — С. 30.

³ Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) за 1917 г. — Кострома, 1918. — С. 3.

⁴ Отчет о деятельности КНОИМК за 1918 г. — Кострома, 1919. — С. 1.

⁵ Отчет о деятельности КНОИМК за 1928 г. — Кострома, 1929. — С. 1.

⁶ Государственный архив Костромской области (ГАКО), ф. р. — 838, оп. 5, д. 2, л. 29.

жено начать экономическое обследование уездов, составить путеводители, библиографические и историко-географические словари. Большинство рекомендаций съезда было выполнено, что говорит о его благотворном влиянии на развитие краеведческого движения.

Все результаты своей деятельности краеведы стремились сохранить для науки и сделать их достоянием широкой общественности. Итоги исследований публиковались в виде сборников статей и отдельных монографий.

Издательская работа была поистине полнокровной. Достаточно сказать, что с 1912 по 1930 гг. Костромское научное общество издало 74 сборника статей, 25 из них — отделениями общества. Добавим, что подавляющее большинство «Трудов...» — 66 — общество издало в послеоктябрьский период своей деятельности, что еще раз подтверждает большую активность и планомерность работы общества после Октября. Именно в этот период находят возможность и для издательской практики в уездах и волостях. Так, Солигаличское отделение общества с 1917 по 1930 гг. выпустило 12 отдельных изданий «Трудов...», Галичское — 5, Кологривское — 4 и т. д.

Задолго до партийного постановления «Об издании истории фабрик и заводов» (10 октября 1931 г.) в «Трудах» стали публиковаться конкретные материалы по истории промышленных предприятий. Краеведы поставили ряд важнейших проблем, привлечших внимание профессиональных ученых к истории промышленности, дали толчок ее дальнейшему изучению. Значительный вклад в разработку истории фабрично-заводской промышленности верхневолжского региона внес краевед Е. Ф. Дюбюк. Приведем некоторые работы этого исследователя: «Раменский чугунно-плавильный завод», «Полотняная промышленность Костромского края во второй половине XVIII и первой половине XIX в.» и др.

Краеведами были составлены (а некоторые из них и опубликованы) описания ряда городов и культурных центров Костромского края. Достойное место в краеведческой литературе заняли исследования, посвященные фольклору. Стремление как можно полнее зафиксировать бытовые особенности местного края нашло отражение в работах по этнографии. Многочисленность произведений по этой тематике не позволяет привести их полностью. Назовем всего лишь некоторые: Ельчанинов И. Н. «Описание города Буя», Шумский И. «Отхожие промыслы Солигаличского уезда», Смирнов В. «Клады, паны и разбойники (этнографические очерки)».

Положительно оценил издательскую работу костромских краеведов крупный советский государственный деятель, ученый В. Д. Бонч-Бруевич. В своем письме в правление общества он отметил большой интерес ученых к его изданиям и рекомендовал шире распространять их по другим городам России¹.

Краеведческая работа неотделима от музейной практики. В Костромской губернии все музеи и в первое время после их организации находились в ведении Костромского общества и работали на основе энтузиазма и безвозмездной работы краеведов. Нам удалось выяснить, что к 1930 г. в губернии действовало 9 краеведческих музеев, из них 8 — в уездах и волостях. Характерно, что до революции вне губернского центра музеев не было вообще. В 1918 г. организовали музей в Кологриве, в 1919 г. в Чухломе, в 1922 г. в Галиче, в 1923 г. в Солигаличе и т. д. Музеи являлись признанными среди масс очагами культуры.

Важнейшим направлением работы краеведов была охрана внемузейных памятников: произведений архитектуры, археологических объектов и т. д. Часто краеведы, не дожидаясь указаний государственных органов, сами брали на себя инициативу. Дать описание памятников, наладить элементарную охрану в далеких уголках губернии могли только местные культурные силы. Инициативу краеведов всемерно поддерживала губернская коллегия по охране памятников истории и культуры, созданная в 1918 г. В президиум коллегии вошли руководители костромского краеведения Е. Ф. Дюбюк, Н. Н. Виноградов, А. И. Черницын².

К 1923 г. удалось зарегистрировать в уездных городах и сельской местности губернии 51 культовое сооружение, представляющее историко-художественную ценность¹, а в губернском центре произвести научное описание и взять на учет более 40 церквей. Позднее многие из этих памятников приняли под охрану государства: церковь Воскресения-на-Дебре, церковь Иоанна Златоуста, церковь Вознесения, церковь Спас-Преображения, архитектурный ансамбль Ипатьевского монастыря.

Параллельно проводилась работа по охране гражданских сооружений. Так, к 1925 г. составили список выдающихся произведений архитектуры Костромы (всего 25 объектов)². В эту группу вошли здания бывшего дворянского собрания, особняк Сунгурова, дом Янцен, архитектурный комплекс торговых рядов, гауптвахта, дом Общественного собрания, дом сенатора Борщова. Эти и другие памятники впоследствии также были приняты под охрану государства.

Между тем не все благополучно складывалось в деле охраны. Деятельность сотрудников государственных органов и общественного актива проходила в трудных условиях, так как встречала косвенное противодействие. Известно, что в годы восстановления народного хозяйства и его дальнейшего развития разрушение памятников часто связывалось с производственными нуждами, с реконструкцией городов. Часть памятников пострадала от неправильных методов в антирелигиозной работе.

Только благодаря общественности удалось добиться отмены решения местных властей построить элеватор на месте памятника XVII в. церкви Воскресения-на-Дебре в Костроме, сохранить в Галиче каменную ограду древнего Памсиева монастыря, предназначенную на снос для строительного материала, спасти известный памятник археологии — стоянку каменного века возле деревни Федоровская близ Чухломы, которая подверглась разрушению путем распашки поля.

В настоящее время в Костроме около 150 памятников и около 300 на территории области охраняются государством. Несомненно, это во многом результат работы краеведов 1920-х гг.

1920-е гг. были периодом рождения и расцвета созетского краеведения. Его демократический характер привлекал к работе культурные силы на местах. Благотворный вклад краеведческих обществ в развитие региональной экономики и культуры принес краеведческому движению авторитет и признание. Казалось, что оно пойдет по пути своего совершенствования и дальнейшего развития. Однако наметившийся на рубеже 20-х—30-х гг. процесс сужения демократии отрицательно повлиял на общественную активность. На состоявшейся в марте 1930 г. IV Всероссийской конференции по краеведению был пересмотрен вопрос о системе работы краеведческих обществ. Вместо добровольных краеведческих организаций стали создаваться так называемые бюро краеведения с административными методами управления. Замена самостоятельных организаций бюрократическими органами привела к массовому выходу его участников и, в конечном итоге, к свертыванию общественной культурной работы.

В 1930 г. вместо Костромского научного общества было организовано бюро краеведения, принявшее от общества его материальные средства. Бюро краеведения не сыграло заметной роли в культурной жизни губернии и в 1937 г. было ликвидировано.

III. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Летом и осенью 1989 года областное отделение Фонда культуры провело выборочное анкетирование по ряду населенных пунктов, улиц, площадей и учреждений области, которым предлагается вернуть исторические названия. На анкету отвечали люди, так или иначе близкие этой теме, — краеведы, работники музеев и архивов, преподаватели, журналисты, писатели.

Сейчас же анкета Фонда культуры предлагается вниманию несравненно более широкого круга читателей

¹ ГАКО, ф. р. — 838, оп. 1, д. 21, л. 60.

² ГАКО, ф. р. — 838, оп. 4, д. 7, л. 3; оп. 1, д. 1, л. 5.

¹ ГАКО, ф. р. — 838, оп. 4, д. 7, л. 3.

² ГАКО, ф. р. — 838, оп. 4, д. 21, л. 50.

злымаха, которым мы предлагаем принять участие в обсуждении этой проблемы.

Ниже помещены анкета, выдержки из полученных ответов на анкету и статья, подводящая некоторые итоги выборочного анкетирования.

Уважаемый товарищ!

Одним из основных направлений деятельности Советского фонда культуры является возрождение неоправданно утраченных исторических названий городов, сел, деревень, площадей, улиц, переулков, учреждений и т. д. Наше областное отделение Фонда культуры готовит ряд шагов в этом направлении, и поэтому мы хотели бы знать ваше мнение по следующим вопросам:

1. Как вы относитесь к идее восстановления исторических названий таких древних населенных пунктов костромской земли, как: поселок Молвитино (с 1939 года — пос. Сусанино), поселок Семеновское-Лапотное (после революции — с. Семеновское, с 1956 года — Островское), поселок Парфеньев (ныне — село Парфеньево)?

2. Как вы относитесь к идее восстановления также таких исторических названий, как: сельцо Святое и Святое озеро вблизи Костромы (ныне — д. Некрасово и Некрасовское озеро), сельцо Зиновьево в Костромском районе (ныне д. Кирово), деревня Бухарино в Парфеньевском районе (ныне д. Ворошилово)? С какими из этих предложений вы согласны, в каких сомневаетесь, какие еще названия вы предлагаете включить в этот список?

3. Как вы относитесь к идее восстановления таких исторических названий в Костроме, как: Сусанинская площадь (ныне — пл. Революции), Сенная площадь (ныне — пл. Мира), ул. Нижняя Дебря (ныне — ул. Кооперации), ул. Русина (ныне — ул. Советская), ул. Мшанская (ныне — ул. Островского), Жоховский переулок (ныне — ул. Войкова), Кирпичный переулок (ныне — ул. Терещковой), Богословский переулок (ныне — ул. Горная), Борисоглебский переулок (ныне — ул. Крестьянская), Воскресенский переулок (ныне — Музейный), ул. Ильинская (ныне — ул. Чайковского), техникум им. Ф. В. Чижова (ныне — химико-механический техникум им. Л. Б. Красина), гостиница «Старый Двор»¹ (ныне — гост. «Центральная»), кинотеатр «Пале» (ныне — кинотеатр «Художественный»), Ипатьевская слобода (ныне — Трудовая слобода)?

С какими из этих предложений вы согласны и поддерживаете их, в каких сомневаетесь?

4. Какие еще исторические названия в Костромской области, по вашему мнению, необходимо вернуть?

Заранее признательны вам за все предложения и пожелания. Ответ направляйте по адресу: 156000, г. Кострома, ул. Молочная гора, д. 6/8, областное отделение Всероссийского фонда культуры.

С уважением — председатель областного отделения Всероссийского фонда культуры, профессор Ю. В. Лебедев.

«...Не могу не откликнуться на обращение Фонда культуры по поводу восстановления исторических названий. В целом эта идея вызывает у меня горячее одобрение: безусловно, только «Святое озеро», «Нижняя Дебря», гостиница «Старый Двор», «Ипатьевская слобода» и т. п. В этих наименованиях — аромат старины, голос предков — пусть он звучит вечно».

С. Колумбина, завуч института усовершенствования учителей.

«С предложениями анкеты согласен, поддерживаю их».

В. Кутилин, председатель правления областной организации Союза художников РСФСР.

¹ По ходатайству объединения гостиничного хозяйства, подержанного Фондом культуры и общественностью Костромы, решением Костромского горисполкома гостинице «Центральная» уже возвращено ее историческое название — «Старый Двор».

«...населенным пунктам пос. Сусанино, Островское следует вернуть первоначальные имена. Именно прежние названия будут сохранять память о прошлом, за великими именами мы порой не замечаем той среды, которая этого великого человека вырастила. За названием «Островское» мы видим только одну личность, за названием «Семеновское-Лапотное» — перед нами предстает история... Полностью поддерживаю идею возвращения названий: ул. Нижняя Дебря, ул. Мшанская, Жоховский переулок, Кирпичный переулок, Борисоглебский переулок, улица Ильинская, гостиница «Старый Двор», кинотеатр «Пале»...

С. Уткин, студент.

«Со всеми пунктами анкеты согласен, в свою очередь предложил бы убрать в Судиславле название «Пионерская гора» и заменить на прежнее, исторически сложившееся и до сих пор употребительное — «Соборная гора». На этой горе был судиславский кремль, в нем веками стоял собор. Судиславлю же, который сейчас имеет статус поселка, необходимо вернуть статус города, т. к. он — один из древнерусских городов и количество населения в нем достаточно для городского статуса».

Ю. Смирнов, краевед.

«Сусанино пусть останется Сусаниным — это память о народном герое, это очень важно и для будущего. Островское, мне кажется, тоже не надо переименовывать, тут все обусловлено. Да и Парфеньево вряд ли стоит трогать из-за одной буквы. Я думаю, что д. Некрасово и Некрасовское озеро пусть останутся в памяти о великом русском поэте...»

Название «Сусанинская площадь» надо бы восстановить, да и Сенную площадь тоже. Улицу Нижняя Дебря, мое мнение, — восстановить, Русину улицу — тоже. Ипатьевская слобода звучит куда лучше, чем Трудовая...»

В. Травкин, писатель (п. Судиславль).

«...Много говорит о нашем прошлом имя Ивана Сусанина, поэтому, думаю, будет правильным восстановление его имени для центральной площади Костромы. Имя Ф. В. Чижова не должно быть забыто: столько человек сделал для просвещения народа в нашем крае!»

А. Громов, краевед (п. Мантурово).

«Я — за все предложенные пункты анкеты, за все голосую обеими руками».

А. Григоров, краевед, Почетный гражданин города Костромы.

«...В отношении восстановления старых названий пос. Сусанино и пос. Островское четкого мнения у нас нет. Современные названия связаны с культурой и историей края, старые названия по-своему колоритны. Названия с. Святое и Святое озеро в окрестностях Костромы необходимо восстановить, т. к. с этими названиями связан знаменательный факт нашей истории (битва на Святом озере), сохраняется памятник-часовня, поставленный нашими предками. Восстановление старого названия пл. Революции можно, на наш взгляд, считать обоснованным, если бы было принято решение о восстановлении облика площади на начало XX века, с памятником Сусанину работы В. И. Демут-Малиновского, окружающими площадь церквями. Может быть, необходимо подумать о другом названии, которое было бы связано с Костромой, например, — «Площадь 29 октября 1917 года» (дата провозглашения Советской власти в городе).

Безусловно, необходимо восстановить названия: ул. Нижняя Дебря и ул. Мшанская. Очень хотелось бы, чтобы было восстановлено название «улица Русина», хотя бы на части улицы Советской (например, до Октябрьской площади). Безусловно, необходимо также вернуть одному из старейших учебных заведений города (нынешнему техникуму им. Л. Б. Красина) имя его основателя — Федора Васильевича Чижова, необходимо вернуть названия «Старый Двор» и «Ипатьевская

слобода». По вопросу о восстановлении исторического названия кинотеатра «Пале» (ныне — «Художественный») надо сказать, что старое название столь же безлико, как и современное».

Работники областного архива.

«Считаю, что все старые названия необходимо восстанавливать, т. к. они — истинно народны. Но в каждом отдельном случае необходимо широкое обсуждение... Вполне вероятно, что многие не согласятся с возвращением прежних названий (например, Семеновское-Лапотное). Возвращение прежних названий должно быть демократическим процессом, а не очередным административным решением».

Е. Ф лей м а н, кандидат исторических наук.

«Что совершенно однозначно для меня — нельзя оскорблять народ политизированными названиями населенных пунктов, тем паче — фамилиями деятелей типа Ворошилова. В этом случае сомнительная политграмота по-прежнему будет заменять национальную культуру. Кстати, я живу на улице Свердлова и не испытываю от этого гордости».

В. Б а д и н, журналист.

«В дополнение ко всем названиям, упомянутым в анкете, я предложил бы восстановить прежнее название нынешнего санатория «Трифоныч» — Витово, это название до сих пор помнят местные жители».

А. П и с ь м е р о в, кандидат биологических наук, зав. лабораторией Костромской лесной опытной станции, сопредседатель обл. комитета спасения Волги.

«...К идее восстановления исторических названий древних населенных пунктов костромской земли отношусь положительно...»

Такие названия в Костроме, как: пл. Революции, пл. Мира, ул. Кооперации, ул. Советская, ул. Горная, ул. Крестьянская, гост. «Центральная» (отличное, кстати, прежнее ее название — «Старый Двор»), кинотеатр «Художественный», Трудовая слобода, несомненно, следует предать забвению и вернуться к старым, отброшенным».

В. Б ы ч к о в, п. Сусанино.

«Жители села Парфеньевы высказываются за то, чтобы возродить историческое название — посад Парфеньев. Жители Ширского сельсовета нашего района по традиции пользуются старым названием деревни Ворошилово (ранее д. Бухарино) и просят это название — д. Бухарино — восстановить, поскольку название д. Ворошилово не прижилось... Парфеньевская районная газета запросила мнение своих читателей относительно целесообразности восстановления других старых названий. Об их пожеланиях информируем позже».

Т. С м и р н о в а, районное общество охраны памятников истории и культуры, с. Парфеньевы.

«Да, настала пора возродить неоправданно утраченные исторические названия городов, улиц, площадей и т. д. Между прочим, мы здесь уже отстаем от других областей. На днях я вернулся из Ростова Великого. Там исполком горсовета опубликовал в своей газете «Путь к коммунизму» (от 25 июля 1989 г.) постановление о возвращении старых названий улицам города. Это было сделано после обсуждения статьи в газете «Не отрекаться от прошлого». В связи с этим предлагаю восстановить названия: Молвитино, Семеновское-Лапотное, Святое, Зиновьево, Бухарино, Сусанинская площадь, Сенная площадь, Нижняя Дебря и т. д. Если нельзя какую-нибудь вновь назвать по-старому, можно вывесить таблички: «бывшая такая-то». И еще: я бы вернул главной улице нашего Судислава название «Владимирская» вместо «Комсомольской».

А. Я б л о к о в, председатель райсовета общества охраны памятников истории и культуры, пос. Судиславль.

«Поддерживаю вашу деятельность по возрождению утраченных исторических названий, хочу высказать свое мнение по ряду вопросов. Необходимо добиться переименования ул. Кооперации и вернуть ей прежнее название «ул. Нижняя Дебря». Площади Революции надо вернуть старое название «Сусанинская площадь». Гостинице «Центральная» — «Старый Двор». В целесообразности переименования других улиц я сомневаюсь, т. к. часть из них сегодня не несет своего первоначального смысла и будет непонятна людям. Было бы полезно изучить мнение костромичей по этому поводу через газету».

И. С о л о н и к о в, начальник производственного объединения коммунального хозяйства.

«Поддерживаю мысль вернуть старое название химико-механическому техникуму и именовать его — училище им. Ф. В. Чижова. Поселку Сусанино уместно вернуть старое название — Молвитино. Как жительница Нерехты считаю, что в нашем городе надо вернуть прежние названия некоторым улицам: так, улице Орджоникидзе вернуть прежнее название — улица Костромская, т. к. эта улица была и остается «воротами» в наш город со стороны Костромы. Надо вернуть прежнее название — Суворовская улица — и улице Бебеля. Не плохо бы торговые ряды в центре Нерехты вновь официально назвать Гостиными рядами, как они именовались в XIX веке...»

Л. К о н д р а т ь е в а, г. Нерехта.

«Считал бы целесообразным восстановить все исторические названия как древних населенных пунктов костромской земли в целом, так и по отдельным улицам, площадям, учреждениям г. Костромы. Однако очень сомнительно, чтобы городские власти пошли на переименование ул. Советской, пл. Мира, химико-механического техникума им. Красина...»

Л. Т у м а н о в а, ответственный секретарь общества охраны памятников истории и культуры Ленинского р-на г. Костромы.

«Согласна с переименованием п. Сусанино в Молвитино, но считаю, что надо сохранить название п. Островское (а улицу Островского переименовать в Мшанскую). Согласна со всеми предложениями по г. Костроме, кроме озера и с. Святое. Все-таки эти названия сейчас звучат слишком архаично... Как бы нам сделать так, чтобы городские власти демократично решали вопросы о присвоении названий и новым улицам, дабы избежать безликих и случайных названий».

М. Л а п ш и н а, зав. отделом объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

«Мы считаем, что можно представить на обсуждение переименование и таких улиц: ул. Шагова (ранее — Марьинская), ул. Свердлова (ранее — Никольская), ул. Симановского (ранее — Богоявленская). Полагаем, что нынешнее название улицы Горной удачно и не стоит ее переименовывать в Богословский переулок. Нам кажется удачным сочетание названий близлежащих улиц: Свражная, Осыпная, Горная... Относительно возвращения кинотеатру «Художественный» прежнего названия «Пале» мы не пришли к единому мнению. К тому же затрудняемся дать объяснение названия «Пале» применительно к древнерусскому городу... Не совсем согласны мы с возможным присвоением химико-механическому техникуму прежнего имени Ф. В. Чижова. Наверное, сложно будет объяснить костромичам, почему это сделать необходимо...»

От имени группы слушателей отделения «Основы краеведения и экскурсоведения» ФДП педагогического института руководитель отделения Л. С м и р н о в а.

«...Для увековечивания имени Ивана Сусанина достаточно было бы в Костроме оставить «Сусанинскую площадь», а то и в этом деле смешной параллелизм прозвучал: «их» Сусанинскую площадь извели, а «свою» Ивана Сусанина улицу заимели. Я — за «Молвитино и Сусанинскую площадь».

...Сенная площадь в моей детской памяти связана с базаром, лошадиными упряжками, смещением деревенской и городской одежды, толкотней, общением и всеми прочими базарными атрибутами, а сейчас — это мертвое пустынное место. Уютнее оно от названия «Сенная площадь» не станет, но на этом месте бурно протекала часть жизни города и края, и пусть знают об этом потомки хотя бы по названию. Я — за Сенную площадь.

При всем уважении к именам Войкова, Терешковой, не говоря уж о Чайковском, улицам, сейчас их имена носящим, конечно, надо вернуть названия народные, костромские: Жоховский переулочек, Кирпичный переулочек, Ильинская улица. Связательно должны вернуться Ипатьевская слобода и гостиница «Старый Двор».

Целую плеяду писателей и других деятелей культуры, не связанных с костромским краем, почтили в городе, нельзя же забывать о своих земляках, людях разных эпох, взглядов и сословий, принесших славу и известность родной земле, как, например, Ф. В. Чижов. Я — за техникум имени Ф. В. Чижова. Вспоминаю из рассказов моей мамы и других родных, как они за счастье считали побывать в кинотеатре «Пале». И в этом названии — тоже аромат своего времени, исторический штрих. В российскую провинцию из Европы пришло кино и принесло с собой свое название — кино «Пале», а далеко ли мы ушли в фантазии, назвав подобные заведения в нашем городе — «Россия», «Октябрьский», «Текстильщик» и т. д. Я — за «Пале».

Н. Шишкина, член группы «Почин».

«Считаю необходимым возродить следующие неоправданно утраченные исторические названия Костромы: 1. ул. Нижняя Дебря (ныне ул. Кооперации). Такое название уходит в глубокую древность и отражает историко-географические условия формирования города. 2. ул. Мшанская (ныне ул. Островского). Это название также связано с древней топографией города. К тому же именем А. Н. Островского уже названы в городе театр и беседка на спуске к Волге. 3. ул. Русина. Название «Советская улица» есть почти в каждом не только областном, но и районном центре. В Костроме название «Советская» носит одна из центральных площадей. 4. Кирпичный переулочек (ныне ул. Терешковой). Едва ли следует присваивать улицам имена еще живущих ученых, политических деятелей, писателей, космонавтов. 5. Сусанинская площадь (ныне пл. Революции). Этим названием восстанавливается старое название площади и увековечивается имя нашего земляка, патриота земли Русской Ивана Сусанина».

К. Булдаков, доцент КГПИ, кандидат исторических наук.

«Поселки Сусанино и Островское можно оставить с этими названиями, Парфеньев и Парфеньево — одно и то же. Деревне Святое следует вернуть ее название, деревни Кирово и Ворошилово можно оставить и так... Производить очередную перетасовку названий улиц Костромы считаю нецелесообразным. Зачем из Крестьянской улицы делать вновь Борисоглебскую, если церкви Бориса и Глеба давно нет и ее не восстановишь? Исключение делаем для двух названий, являющихся символами Костромы: Сусанинская площадь и улица Нижняя Дебря».

В. Бочков, краевед.

«Я — за Молвитино, за Семеновское-Лопотное. Я — за село Святое и Святое озеро. В истории есть битва на Святом, а не на Некрасовском озере. В любом случае безоговорочно поддерживаю идею о восстановлении Сусанинской площади, Нижней Дебри, Кирпичного переулка, Ильинской и Русинной улиц, техникума им.

Ф. В. Чижова и Ипатьевской слободы. Я — за Сенную площадь (в Ленинграде Сенную площадь тоже в свое время переименовали в пл. Мира и общественность тоже требует вернуть прежнее название). Я — за Мшанскую. Я — за Борисоглебский, Богословский и Воскресенский переулки, они были ориентированы и располагались рядом с церквями — это хорошо и целесообразно. Гостиницу «Старый Двор», конечно, также нужно вернуть...»

В. Семенов, краевед, уроженец костромского края, ныне проживающий в Ленинграде.

«Я — за восстановление названия «Молвитино», Островское, может быть, лучше восстановить как «Семеновское», без добавки «Лопотное»? Это — «ушло». Святое озеро и с. Святое надо возродить, эти названия дал народ. Что касается названий с. Зиновьево и д. Бухарино, то их надо вернуть не только потому, что реабилитированы, чьи фамилии оказались случайно «созвучны» им. «Сусанинская площадь» — историческое название; впрочем, «площадь Революции» — тоже имеет право на сохранение: здесь происходили события первой русской революции и события 1917 года, но, учитывая, что п. Сусанино, возможно, вновь станет Молвитинским, необходимо, на мой взгляд, хотя бы в одном случае имя Сусанина оставить.

Сенная площадь, а особенно Нижняя Дебря, Ипатьевская слобода, гостиница «Старый Двор» — восстановление этих названий, помимо других причин, необходимо еще и потому, что они красивы; то же можно сказать и о названиях: Ильинская улица, Борисоглебский переулочек; В. Терешкова не имеет никакого отношения к Кирпичному переулку. Название ул. Русина я бы восстановил, т. к. есть Советская площадь. Сохранил бы я и название ул. Островского, без этого имени нельзя оставить область, если мы переименуем Островское в Семеновское. Имя Ф. В. Чижова надо вернуть и химико-механическому техникуму в Костроме, и СПТУ в Чухломском районе (тоже бывшему «Чижовскому училищу»). Я предложил бы восстановить ряд старых названий улиц в г. Чухломе: Галичская (ныне ул. Октября), ул. Успенская (ул. Свердлова), ул. Преображенская (ул. Луначарского).

Б. Козлов, доцент КГПИ, кандидат филологических наук.

«Мы, нерехтчане, неоднократно обращались в Нерехтский горисполком с просьбой вернуть исторические названия следующим улицам и площадям Нерехты: ул. Нижегородская (ныне — ул. Красной Армии), ул. Костромская (ныне ул. Орджоникидзе), ул. Суворовская (ныне ул. Бебеля), ул. Никольская (ныне — ул. Володарского), Базарная площадь (ныне — пл. Свободы). Это — центральные улицы города, которые лучшими расходятся от Базарной площади. Есть еще улица Ленина, бывшая Суздальская улица, но, я думаю, что за это изменение никто не захочет нести ответственность. Конечно, это было бы очень оправданно — вернуть старому старое, тем более в нашем старинном городе все так логично: по Костромской улице въезжали и выезжали из Костромы, по Нижегородской отправлялись на ярмарку в Нижний Новгород, по Суздальской — на базары города Суздаля. Улица Суворовская, вероятно, исторически была связана с именем А. В. Суворова, который имел в Нерехтском уезде имение».

Есть у нас еще улицы, заслуживающие внимания. Они близко находятся к центру, и возвращение им старинных названий будет логично; например: ул. Набережная (ныне — ул. К. Маркса), ул. Усольская (ныне — ул. Энгельса), ул. Ильинская (ныне — ул. Р. Люксембург)...»

Н. П. Родионова, директор музея, г. Нерехта.

«Считаю необходимым вернуть все старые названия, перечисленные в анкете. Названия напоминают нашим детям и внукам об истории их «малой» Родины. Пусть

молодое поколение на этих старых названиях улиц, сел, городов чувствует преемственность жизни русского народа, сознает, откуда они, что это — их родная земля...»

Т. Янина, экскурсовод Костромского бюро путешествий и экскурсий.

«...Я всей душой за «возрождение неоправданно утраченных исторических названий городов, сел, деревень, площадей, улиц, переулков, учреждений и т. д.» ...По-моему, уже если еще раз решаться на смену имени чего-либо, то только для того, чтоб восстановить историческую справедливость, чтоб удержалось в исторической памяти то, что без этого восстановления будет безвозмездно утрачено: Молвитино, Семеновское-Лалотное (но как отнесутся к этому жители?), с. Святое, Святое озеро... Об улицах: я за Сусанинскую площадь, Сенную площадь, за ул. Нижняя Дебря, Мшанскую, Русину... Названия Богословский переулок, Борисоглебский переулок, Воскресенский переулок я бы тоже восстановил, чтоб все знали, какие где стояли разрушенные нами церкви. Я за гостиницу «Старый Двор», за кинотеатр «Пале» и Ипатьевскую слободу (кстати, кто и называет ее в обыденной жизни Трудовой?). О ХМТ им. Л. Б. Красина: по-моему, имя достойного человека давно носит учебное заведение, о чем знают и помнят многие сотни выпускников разных лет... Стоит ли? Но имя Ф. В. Чижова должно быть возвращено нашей области! Может быть, чухломскому СПТУ, также бывшему чижовскому училищу?»

Б. Н. Годунов, доцент КТИ.

«Считаю целесообразным: 1. а) оставить поселку Сусанино, бывшему Молвитино, его новое (с 1939 г.) название, поскольку оно отражает происшедшие там события, называя главного их участника — И. Сусанина; б) по аналогичным причинам стою за сохранение названия пос. Островское, тем более, что бывшее название — Семеновское-Лалотное — утратило с укладом промысла там свою злободневность; в) что касается с. Парфеньева, то я считаю, что нужно изменить не только название, но и статус этого населенного пункта и преобразовать нынешнее село Парфеньево в город Парфеньев. Последнее правописание сохранилось до середины XIX века.

2. Голосую за возврат старых названий: сельцо Святое и Святое озеро (ныне д. Некрасово и Некрасовское озеро), с. Зиньково (ныне п. Кирово), д. Бухарино (ныне д. Ворошилово). Основание: широкая известность этих пунктов по печатным дореволюционным и советским источникам.

3. Считаю необходимым вернуть такие названия, как: Сусанинская площадь (пл. Революции), ул. Нижняя Дебря (ул. Кооперации), ул. Русина (ул. Советская), Жоховский переулок (ул. Войкова), техникум или училище им. Ф. В. Чижова (ныне техникум имени Л. Б. Красина).

Новые названия, данные преимущественно в первые годы Советской власти, создали такую ситуацию, что в стране почти в каждом городе есть аналогичные названия, что обезличивает и нивелирует оригинальную физиономию наших улиц и площадей, тогда как предыдущие их имена подчеркивали их неповторимость и особенность... За утратой некоторых церквей считаю необходимым возвращение прежних названий улицам Горной, Крестьянской, ул. Чайковского, Музейному переулку. А вот Ипатьевскую слободу, конечно, стоит вернуть...

Что касается кинотеатра «Пале», право, не знаю, очень уж претенциозное и снобистское наименование...»

Е. В. Сапрыгина, краевед.

Зонтиков Н. А. [Кострома]

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОДИНЫ

[О восстановлении исторических названий Костромского края].

«Названия нужно уважать. Меняя их в случае крайней необходимости, следует делать это прежде всего грамотно, со знанием и любовью... В противном случае названия превращаются в словесный мусор... и обличают невежество тех, кто их придумывает».

К. Паустовский.

«Да, конечно, и в других странах меняют названия городов и улиц. Но, пожалуй, мы превзошли всех по масштабы выкорчевывания названий».

В. Нерознак, председатель совета по топонимии Советского фонда культуры.

В настоящее время уже мало кто подвергает сомнению необходимость охраны и восстановления тех памятников старинного зодчества, которые были разрушены полностью или частично в 20-е, 30-е и последующие годы нашего века. Урон, понесенный от этого страной, очевиден, потребность в возрождении всего лучшего из нашего архитектурного наследия ясна. Медленно пробивает себе дорогу и другая мысль, что возвращать надо не только материальные памятники — соборы, часовни, ансамбли монастырей, старые кладбища и т. д. — возрождению, своеобразной «реставрации», подлежат и другие неоправданно утраченные нами памятники нашей культуры — исторические названия городов, сел, улиц, площадей, переулков, учреждений и т. д.

Сейчас, когда многому в нашей жизни возвращается реальная цена, становится ясно, какой пласт культуры и истории утратили мы везде в стране, в том числе и в нашем крае, лишившись — в основном это произошло в те же 20-е и 30-е годы — такого числа исторических названий. Осознание прошлых ошибок, установление приоритета общечеловеческих ценностей — а названия-памятники культуры относятся именно к таким ценностям — положили начало возвращению старых названий. Это возвращение — не мода, не скоротечная дань времени, а поистине выстраданная нашим обществом потребность. Всем нам памятно восстановление таких названий, как Набережные Челны, Ижевск, Мариуполь, не так давно к нам вновь вернулся Рыбинск, возвращены Москве ее старинные Остоженка и Рождественка.

Но нашего края этот процесс очищения и возрождения пока почти не коснулся. Действительно, если взять, например, названия основных улиц и площадей центральной, наиболее древней части Костромы, то мы увидим в основном названия, рожденные последними семью десятилетиями нашей истории, — площадь Революции, ул. Ленина, ул. Свердлова, пр. Мира, пл. Мира, Советская площадь, ул. Советская, пр. Текстильщиков, ул. Кооперации, ул. 1 Мая, ул. Дзержинского и т. д. Эти названия никак не вяжутся с центром, где преобладают замечательные ансамбли XVIII — XIX веков. По ним совершенно не ощущается, что ты находишься в городе, которому более восьми столетий. Не ощущается по этому стандартному набору названий и то, что ты находишься в Костроме. Ту же самую картину мы найдем и в любом другом, имеющем многовековую историю городе нашего края — Галиче, Солигаличе, Чухломе, Макарьеве, Судиславле, Парфеньеве, Кологриве. И там в большинстве своем тон задают названия, данные в самые первые годы после революции. Старое народное название встретить там еще трудней, чем в областном центре.

ЧТО БЫЛО ОТБРОШЕНО?

Прежде чем перейти к рассказу о том, как теряла свои исторические названия костромская земля, попробуем охарактеризовать основные принципы, по которым давались названия в старое время.

О старых названиях улиц, площадей, населенных пунктов везде в России, в том числе и у нас, во-первых, надо сказать, что в подавляющем своем большинстве они как бы «произрастали» из местной почвы, были неразрывно связаны с историей конкретных мест. Во-вторых, эти названия также в подавляющем большинстве своем были даны народом, являлись народными в истинном смысле этого слова. Обычно улица, площадь, переулок, деревня, село, урочище, город получали название по какой-то особой своей «примете» — по церкви, по имени владельца самого большого двора, по какой-то особенности топографии, по какому-то историческому факту, связанному с этим местом, и т. д. Причем нередко название с течением времени проходило своеобразный конкурс, своего рода естественный отбор, в результате которого закреплялось наиболее яркое, точное и красивое. Уже позднее многие из этих названий утверждались властями и официально закреплялись.

Поэтому основной довод переименователей 20—30 гг. о том, что они «очищают» наши города от религиозных названий и названий, данных в честь представителей свергнутых эксплуататорских классов, не соответствует действительности. Название улицы, данное по стоящей на ней церкви, объективно не несет никакого религиозного содержания, также и название, данное по какому-нибудь проживающему на улице дворянскому или купеческому роду, не ставило своей целью его возвеличивание. И церковь, и род — это просто особые «приметы» конкретного места: площади, улицы, переулка.

В свою очередь, отдельные названия каждого старинного города также были его особыми «приметами», неотделимыми от этого города. Так, для Москвы, например, такими названиями были: Красная площадь, Остоженка, Старая Басманная, Охотный ряд, Моховая, Арбат, Сивцев Вражек, Знаменка, Пречистенка, Воробьевы горы и т. д. Точно так же и для Костромы такими названиями, особо отличающимися ее от других городов, были топонимы: Нижняя Дебря, Мшанская улица, Русина улица, Сусанинская площадь и др.

Конечно, среди названий Костромы и других городов края имелись и спущенные сверху, никак не привязанные к нашей земле, но преобладали все-таки и в Костроме, и во всей губернии названия народные, нередко уходящие в самую седую старину нашей истории.

ЧТО БЫЛО ПОЛУЧЕНО ВЗАМЕН?

Февральская революция 1917 года уже в первые недели после падения монархии отразилась в названиях нашего края. В те дни, когда «свобода взметнулась неистово», в городах Костромской губернии, как и во всей России, исчезали названия, как-то связанные со свергнутой династией, и взамен их появлялись улицы Свободы. Так было, например в Галиче, где бывшая Успенская, в 1913 году переименованная в связи с 300-летием правления династии Романовых в Романовскую, стала улицей Свободы. Тогда же в Костроме были упразднены такие названия, как «Романовский» музей (ныне — музей изобразительного искусства) и «Романовский» сквер (ныне этот сквер, занимающий два первых квартала пр. Мира, не называется никак).

Термин «свобода» вообще был самым популярным в новых названиях 1917 года и по инерции еще в 1918-м. Кроме Галича, улица Свободы появилась в Чухломе (бывшая Кологривская), в Нерехте появилась площадь Свободы (бывшая Базарная), в Плесе, входившем тогда еще в состав Костромской губернии, в гору Свободы была переименована Соборная гора.

Таким образом, названия начали меняться уже после Февраля, но процесс этот носил очень ограниченные масштабы, а замене подлежали названия, связанные со свергнутой династией. Все это было только начало. После Октябрьской революции практика «военного

коммунизма» привела к массовым переименованиям по всей стране. Как и во всем происходящем тогда, в деле с названиями шло два параллельных процесса: а) ломка существующей системы названий, б) утверждение новой системы. Оба эти процесса были неразрывно связаны между собой, т. к. создание новой системы шло за счет разрушения старой. В сентябре 1918 года Сусанинская площадь Костромы была переименована в площадь Революции. А вскоре произошло массовое переименование основных улиц и площадей города, приуроченное к первой годовщине Октябрьской революции — к 7 ноября 1918 года. Именно тогда в Костроме появилась Советская площадь (бывшая Воскресенская), ул. Ленина (бывшая Еленинская), ул. Троцкого (бывшая Ново-Троицкая, ныне — ул. Козуева), ул. Луначарского (бывшая Павловская, ныне — пр. Мира), ул. Чрезвычайки (это название бывшая Никольская улица получила по размещавшемуся тогда в начале этой улицы губернскому отделению ВЧК), ул. Советская (бывшая Русина), ул. Пролетарская (бывшая Царевская, ныне — пр. Текстильщиков) и ряд других. Тогда же, в 1918 году, в окрестностях Костромы был переименован ряд старинных слобод: Спасо-Никольская слобода за Волгой — в слободу Metallистов, Ипатьевская (или — Богословская) и Андреевская за рекой Костромой соответственно — в Трудовую и Рабочую.

Немного позднее улицу, которую костромичи издавна именовали Мшанской (в середине XIX века ее переименовали в Московскую, но это название не прижилось; ныне — ул. Островского), переименовали в улицу Трудовой школы, а ул. Всехсвятскую, которую перед революцией чаще именовали Муравьевкой, а после революции это название было узаконено, переименовали в улицу Рентгена. В начале 1925 года прошла еще одна большая волна переименований костромских улиц. Именно тогда Ильинская улица, или Ильинка (ныне — ул. Чайковского), стала называться Бульварной, Богословский переулок стал улицей Горной, Борисоглебский переулок — улицей Крестьянской, Козмодемьянский переулок — улицей Долматова и т. д. В 1927 году после убийства в Варшаве советского полпреда в Польше Войкова в Костроме, как и во многих других городах, появилась улица Войкова (бывший Жоховский переулок).

В 1918 году в Костроме находившийся возле Михинской фабрики (ныне — фабрика «Знамя труда») «Михинский» сквер был переименован в Красный сад (позднее, в 1927 году, он получил другое наименование — сквер Борьбы). Исчезло и название «Ботниковский» сквер (сквер перед горисполкомом, ныне не имеющий никакого названия).

В эти же годы в связи с ломкой старой системы образования исчезли названия целого ряда старых учебных заведений в Костроме, в первую очередь — Григоровская женская гимназия и Чижовское училище. Гимназия — первая в России женская гимназия — вскоре после революции преобразованная в школу, стала носить имя Н. И. Бухарина, а Чижовское училище, побыв ряд лет безымянным, с 1927 года стало носить имя Л. Б. Красина.

Была инициатива переименовать и саму Кострому. В январе 1924 года, в дни похорон В. И. Ленина, на митингах и собраниях по предприятиям и учреждениям принимались резолюции с предложениями переименовать центр губернии в «Ленин-на-Волге» или «Ильич». Инициатива эта не получила развития, и Кострома осталась Костромой.

То же самое происходило тогда — в 1918-м, 1919-м, начале 20-х — и во всех городах края. Почти везде, как и в Костроме, центральные площади — бывшие Торговые, Базарные — также переименовывались в площади Революции. Такие названия появляются в Галиче, Чухломе, Буге, Макарьеве. Исключение составила Нерехта, где, как говорилось выше, старинная Базарная площадь была переименована в площадь Свободы. Свое дореволюционное название — Красная площадь — сохранила только центральная площадь Солгалича. Сохранила по той же причине, по какой и Красная площадь в Москве не была переименована в какую-нибудь площадь Урицкого — из-за того, что это название, неожиданно приоб-

ретья политическую окраску, стало звучать современно.

Почти полностью заменились прежние названия улиц и переулков, им на смену шли новые: улицы III Интернационала, Коммунистические, Социалистические, улицы Лежина, Троцкого, Володарского, Урицкого, Луначарского, Свердлова, Калинина, Семашко, К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин, А. Бебеля и т. д., и т. д.

В наших малых исторических городах холмы, на которых в древности находились крепости, позднее (в XVIII — XIX вв.) чаще всего именовались «Соборными» горами, т. е. там обычно находился городской собор. Название «Соборная» гора упряднена почти повсеместно. Выше говорилось о переименовании Соборной горы в Плесе, тогда еще входившем в Костромскую губернию, в гору Свободы. Соборную гору в Судиславле — холм, увенчанный Спасо-Преображенским собором, замечательным памятником архитектуры XVIII века — переименовали в Пионерскую гору (или, как ее чаще именуют, — «Пионер-гора»). В 1925 году древняя Поклонная гора в Галиче была переименована в гору Смычки (имелась в виду «смычка» города и деревни), Козьмодемьянская гора — в гору Революции, Воскресенская гора — в гору Тимирязева.

В первые же годы после революции были отброшены названия — имени Ф. В. Чижова, кроме Чижовского училища в Костроме, и у трех других Чижовских училищ — в Макарьево, Кологриве и Чухломе.

* * *

Скажем прямо — не нам судить людей первых революционных лет, отбрасывающих старинные названия. Большинство из них, исполненное революционного энтузиазма, искренне верило, что так будет лучше. Многочисленные переименования в условиях такой страны, как наша, и в условиях нашей революции были, видимо, неизбежны и в какой-то части обоснованы. Как писалось выше, раньше было немислимое название, не «произрастающее» из местной почвы; абстрактные названия, никак не связанные с данным местом, становятся обычными только в XX веке. Стало возможным называть улицу, например, в честь человека, никогда на ней не бывавшего. С одной стороны, это было явлением прогрессивным, человек раскрепощался, взгляд его становился шире, и в этом смысле появление улиц Л. Толстого и Ленина — знак нового времени и знак положительный. Но — до определенных пределов. Когда абстрактные названия заполнили все города, оставив старые конкретные названия в жалком меньшинстве — это все стало явлением резко отрицательным.

Переименование всего за несколько лет почти всех улиц огромной страны было одной из форм проявления мелкобуржуазной революционности, проявлением иллюзии, что лишь с революционного времени начинается история, а все, что было раньше, — это только «проклятое прошлое», о котором ничего больше не должно напоминать. Массовые переименования улиц, площадей, сел, городов были явлением такого же рода, как и введение в первое послереволюционное десятилетие новых — в стремлении искоренить имена, данные священниками, — «революционных» имен (типа — Агитпром, Серп, Молот, Цемент, Радио, Октябринна, Индустрия и т. д.). Жизнь довольно скоро отторгла эти имена, как искусственные и чужеродные, но названия улиц и городов — по своей культурной ценности ни в чем не уступающие таким именам, — утвержденные указами и постановлениями, остались.

Нельзя забывать о том, что вслед за отбрасыванием «религиозного» названия улицы или переулка следовало, как правило, и уничтожение давшего это название храма или монастыря. Гонения на старые названия (напомню — в большинстве своем истинно народные) неразрывно связаны с гонениями в те же 20—30 гг., но православную церковь, которые объясняли необходимостью борьбы с идеологией, освещавшей классовое угнетение, а фактически все это выливалось в бессмысленное притеснение и оскорбление верующих — т. е. широким масс народа.

Исчезновение старых названий в масштабах, не имевших аналогов в мировой истории, было одним из путей

утраты исторической памяти народа. В конечном счете все это было для своего времени серьезнейшим признаком глубокого культурного упадка общества.

* * *

В чем основные особенности новых послереволюционных названий? Во-первых, в большинстве своем они носят политический и идеологический характер. Во-вторых, эти названия на редкость однообразны и повторяются практически в каждом городе или поселке, к тому же в сотнях и тысячах названий улиц повторяются имена людей, объективно не сыгравших в нашей истории такой роли, чтобы память о них надо было увековечивать в таких масштабах. В-третьих, эти названия конъюнктурны. Изменилась политическая конъюнктура — меняются и названия. Ну и, в-четвертых, в результате они никак «не привязаны» к конкретной улице, к конкретному городу, их выбор полностью случаен, могли называть так, могли иначе — различия никакой.

Уже в самые первые годы после революции в нашей стране стал утверждаться жесткий канон, представляющий собой иерархию политических терминов, которым придавалось культовое, почти религиозное значение, и иерархию имен предшественников, мучеников и теоретиков мирового революционного и социалистического движения, государственных и партийных деятелей нового строя. Согласно этому канону центральная площадь любого города получала чаще всего названия: площадь Революции, площадь Ленина, Советская площадь, другие варианты крайне редки; от площади отходили улицы в честь Маркса, Энгельса, Ленина и лиц из ближайшего окружения Ленина: Троцкого, Свердлова, Зиновьева, Калинина, Дзержинского и т. д.; далее шли улицы, названные в честь различных деятелей мирового и российского революционного движения: К. Либкнехта, Р. Люксембург, К. Цеткин, А. Бебеля, Сунь Ятсена, Урицкого, Володарского, а также местных революционных деятелей; обязательно имелись улицы Советские, Коммунистические, Социалистические, далее шли улицы Пролетарские, Крестьянские, Красноармейские, Профсоюзные, Комсомольские, Пионерские и др.

В первые послереволюционные годы в иерархию имен кое-где вкраплялись имена отдельных декабристов, социалистов-утопистов, революционных народников.

В дальнейшем, конечно, жизнь постоянно вносила в этот канон свои поправки, коррективы и новые штрихи, но его политическая суть, общая схема оставались неизменными.

* * *

В суматохе идеологических кампаний и различных революционных юбилеев новые, только что данные названия нередко отбрасывались и менялись на другие. Так, уже в 1923 году улица Чрезвычайка (бывшая Никольская) в связи с преобразованием ВЧК в 1922 году в ГПУ при НКВД была переименована в ул. Свердлова. Бывшая улица Всехсвятская (или Муравьевка), только что в 1923 году переименованная в ул. Рентгена, уже в 1927 году в связи с 1-й годовщиной смерти Ф. Э. Дзержинского (а на самом деле из-за сосредоточения там основных органов управления губерний) получила более «солидное» название — ул. Дзержинского.

С конца 20-х годов в продолжающемся процессе переименований появился новый момент, когда с такой же ожесточенностью и нетерпимостью, с какой недавно искореняли названия, связанные с религией и эксплуататорскими классами, стали изгонять уже названия, связанные с именами советских политических деятелей.

Так, в 1928 году, после высылки Л. Д. Троцкого в Алма-Ату, в числе многих других в стране исчезла и улица Троцкого в Костроме, переименованная в ул. Козуева. После убийства 1 декабря 1934 года в Ленинграде С. М. Кирова по всей стране искоренялись названия, связанные с Г. Е. Зиновьевым (по официальной версии тех лет — главным инициатором этого преступления). Срочно переименовывались населенные пункты, улицы, учреждения. Причем нередко названия, связанные с Зиновьевым, заменялись на названия в честь Кирова. Под эту

кампанию попало и село Зиновьево под Костромой. По невежеству (или для перестраховки) этот старинный населенный пункт, не имеющий, естественно, никакого отношения к опальной политике, был переименован в Кирово.

Спустя несколько лет та же участь постигла и названия, связанные с Н. И. Бухариным. Так, в Костроме было отброшено его имя у школы имени Бухарина. И точно так же, как в случае с с. Зиновьевым, необоснованно было отброшено название стариннейшей деревни Бухарино под Парфеньевым (разумеется, никакого отношения не имевшей к бывшему главному идеологу партии), переименованной в д. Ворошилово.

Выше говорилось, что среди новых названий в честь здравствующих политических деятелей ведущее место занимали имена лиц из окружения В. И. Ленина; с середины 20-х годов в иерархии названий все более и более весомое место стали занимать названия, связанные со Сталиным и лицами из его окружения — Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Куйбышевым, Орджоникидзе, Кировым, Ждановым, Берией и др.

Улица Сталина появилась в Костроме в 1925 году. Такое название получила бывшая Лазаревская улица (ныне ул. И. Сусанина). По тому, что имя Сталина получила окраинная, в то время второстепенная улица города, видно, что в 1925 году И. В. Сталин еще воспринимался, как один из многих (позднее эту «ошибку», как мы увидим, исправят).

* * *

Где-то с середины 30-х гг. в топонимическом процессе, как и во всей общественной жизни страны, намечается новая тенденция. Ее можно понять только в общем плане происходившего тогда процесса отказа от линии на мировую революцию, отказа от некоторых крайностей конца 20-х — начала 30-х гг.

Конец 30-х годов характерен возвращением в общественную жизнь ряда имен исторических деятелей, казалось, навсегда отброшенных революцией на свалку истории вместе с монархией и религией, — таких как Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Богдан Хмельницкий, Петр I, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Минин и Пожарский и некоторые другие. Их вновь стали вспоминать, про них выходили кинофильмы, книги; причем «резбилитация» почти мгновенно переросла в культ этих деятелей, их всячески идеализировали, наводили хрестоматийный глянец. Конечно, сыграла роль в этом и угроза приближающейся войны. Перед лицом такой опасности в пропаганде уже не годились только герои гражданской войны, здесь нужны были и образы предков, отстаивающих родную землю от нашествия иноземных врагов. Но главная причина возвращения ряда государственных деятелей прошлого исходила из сути установившегося в стране режима личной власти (так, например, царь Иван Грозный — впервые, может быть, со времен самого Грозного, — представлял как идеальный правитель — мудрый, дальновидный боец со старым, отжившим), и лично Сталину, и всей государственной машине того времени нужны были эти образы правителей-реформаторов, не знающих поражения полководцев (нужны больше, чем, например, образы Урицкого и Володарского). Нужны были и образы простых людей, жертвующих жизнью за Родину. Так вспомнили про Ивана Сусанина. С момента революции первая русская классическая опера «Жизнь за царя» М. И. Глинки на территории СССР не ставилась. В 1938 году этот запрет с нее был снят. Срочно была выполнена новая редакция оперы, которую мы уже знаем как оперу «Иван Сусанин», в феврале 1939 года в Москве состоялась ее премьера. Чуть позднее, летом того же 1939 года, «по просьбам трудящихся» было переименовано в село Сусанино старинное село Молвитино, являющееся центром того района, в котором происходили легендарные события начала XVII века.

Со второй половины 30-х годов в Костроме и крае, как и во всей стране, начинают появляться названия, связанные со строго ограниченным числом выдающихся деятелей русской и некоторых деятелей советской

культуры. Чаще всего они появлялись после широко отмечаемого юбилея.

Например, во время торжественно отмечаемого в 1937 году 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина имя поэта получили многие улицы в крае, в том числе и одна из окраинных улиц Костромы. В конце того же 1937 года отмечалось и 60 лет со дня смерти Н. А. Некрасова. Юбилей этот также был отмечен многочисленными переименованиями. Во-первых, в январе 1938 года было переименовано в Некрасово находившееся на старой границе Ярославской и Костромской губерний старинное Грешнево — место, где прошло детство и отрочество поэта. Тогда же был переименован в пос. Некрасовское древний посад Большие Соли, находящийся напротив Грешнева через Волгу (и до революции входивший в состав Костромской губернии). Древнее село Святое на Святом озере, неподдалу от Ипатьевского монастыря, сохранившее уникальный памятник культуры — часовню Федоровской Божьей Матери, поставленную нашими предками в память о сражении здесь в XIII веке костромичей с татарами, тогда же стало деревней Некрасово, а озеро — Некрасовским. Нечего говорить о том, что некрасовский юбилей был отмечен и появившимися почти во всех городах и поселках улицами Некрасова.

1940 год был годом векового юбилея со дня рождения П. И. Чайковского, и в свете этого события старинная улица Костромы Ильинская (или — Ильинка), в 1925 году уже переименованная в ул. Бульварную, вновь — для галочки, чтобы отрапортовать — была переименована в улицу Чайковского.

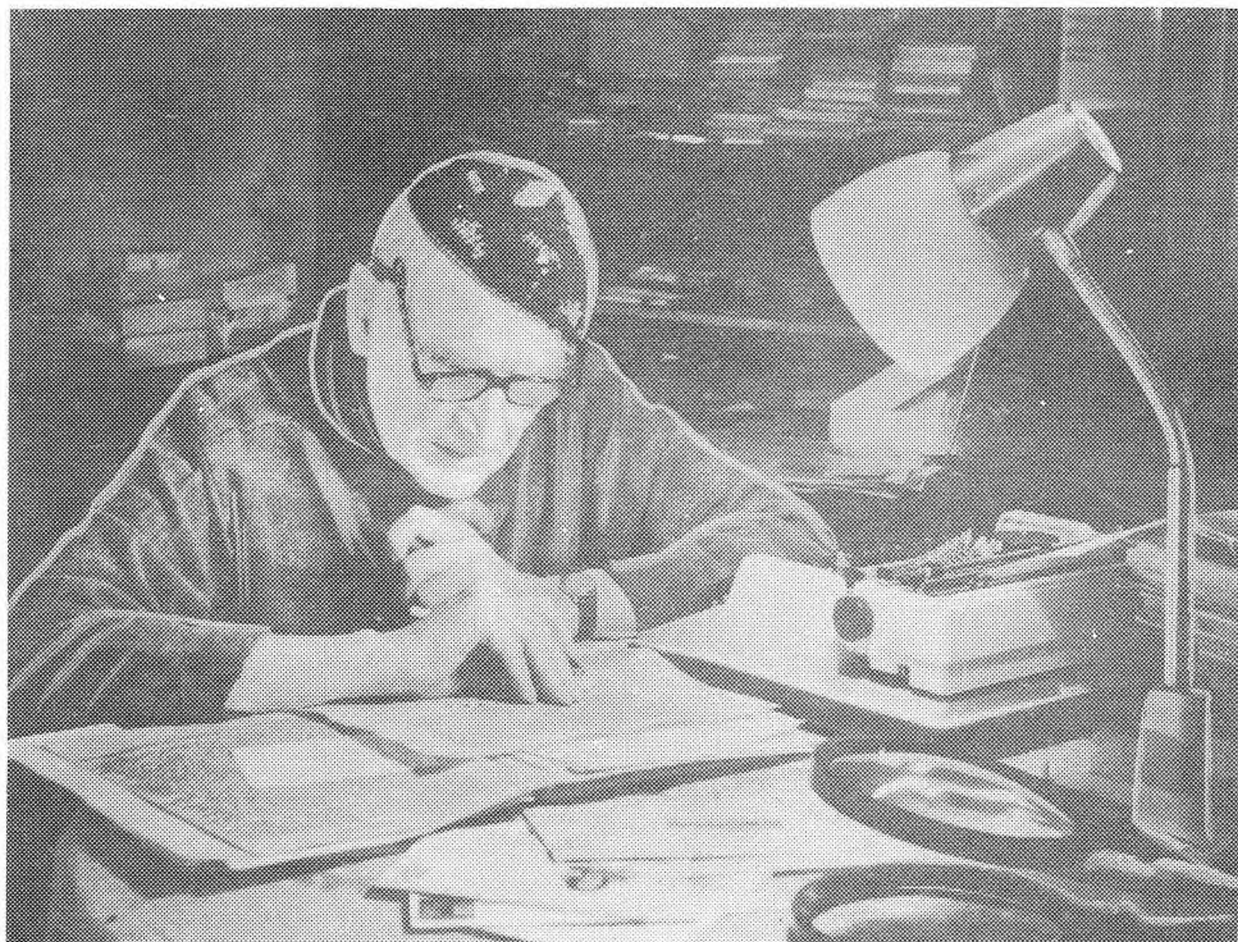
Известно, что в эти же годы было положено начало настоящему культу А. М. Горького. Первая волна названий в честь писателя была в 1932 году, когда отмечалось 40-летие начала творческой деятельности Горького. Именно тогда стал городом Горьким древний Нижний Новгород, ул. Тверская в Москве — улицей Горького, имя Горького было присвоено Московскому художественному театру. В Костроме улица Горького появилась в 1934 году: была переименована старинная Заводская улица, своим названием обязанная зарождению костромской промышленности. Так как никакого юбилея у А. М. Горького в этом году не было, вероятно, это название появилось в связи с проходящим тогда первым съездом писателей СССР. Смерть великого писателя в 1936 году, которую вскоре приписали делу рук троцкистско-зиновьевской оппозиции, и громко отмечаемые в предвоенные годы годовщины его «злодейского умерщвления» — как писали тогда — также не обходились без переименований, и с тех пор, как и везде в стране, в нашей области с трудом можно найти населенный пункт, в котором не было бы улицы, носящей имя Горького.

Конец 30-х годов повсеместно отмечен также многочисленными наименованиями и переименованиями в честь В. В. Маяковского (после того, как Сталин назвал его «самым выдающимся поэтом социалистической эпохи»). В это время в улицу Маяковского была переименована в Костроме Гашеевская улица — память о старинной Гашеевской слободе.

Все эти новые моменты в процессе переименований сопровождалась убиением иностранных названий, уцелевших в первые два десятилетия после революции. Так, в ноябре 1939 года, в разгар кампании по подготовке к выборам в местные органы власти, решением горисполкома было заменено название старейшего кинотеатра Костромы. Из «Пале» он был превращен в кинотеатр «Художественный».

* * *

Первые послевоенные годы отмечены дальнейшим ростом культа Сталина. Выше говорилось, что улица Сталина появилась в Костроме в 1925 году, и название это носила улица Окраинная, не играющая важной роли в жизни города. «Ошибку» эту заметили довольно поздно — только в 1952 году, когда в связи с XIX съездом партии одну из центральных улиц Костромы — улицу Луначарского (до 1918 года называвшуюся Павловской) — переименовали в проспект Сталина.

Александр Александрович Григорьев — краевед
Почетный гражданин города Костромы. 1989. Фото
Г. Белякова.

Костромское областное отделение Всероссийского фонда культуры

27 НОЯБРЯ 1988 ГОДА

БЕЛЫЙ ЗАЛ ДВОРЦА ПИОНЕРОВ
Б. ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ

100-летию со дня рождения посвящается

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ
ВЕЧЕР

„СУДЬБА И КНИГИ
ВСЕВОЛОДА НИКАНОРОВИЧА
ИВАНОВА“

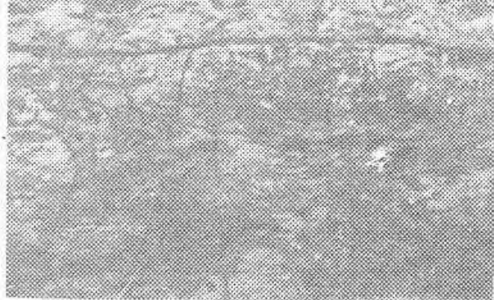
Начало в 18 часов

Вход свободный

Афиша вечера. Фото Г. Белякова.

Лесной резерват «Кологривский лес». Вековые ели, заселившие тайгу во времена Петра I. Фото В. Петрова.

Лесной резерват «Кологривский лес», Фото В. Петрова.

Панихида на могиле М. Я. Диеза в селе Ильинском Судиславского района. Октябрь 1989. Фото Г. Белякова.

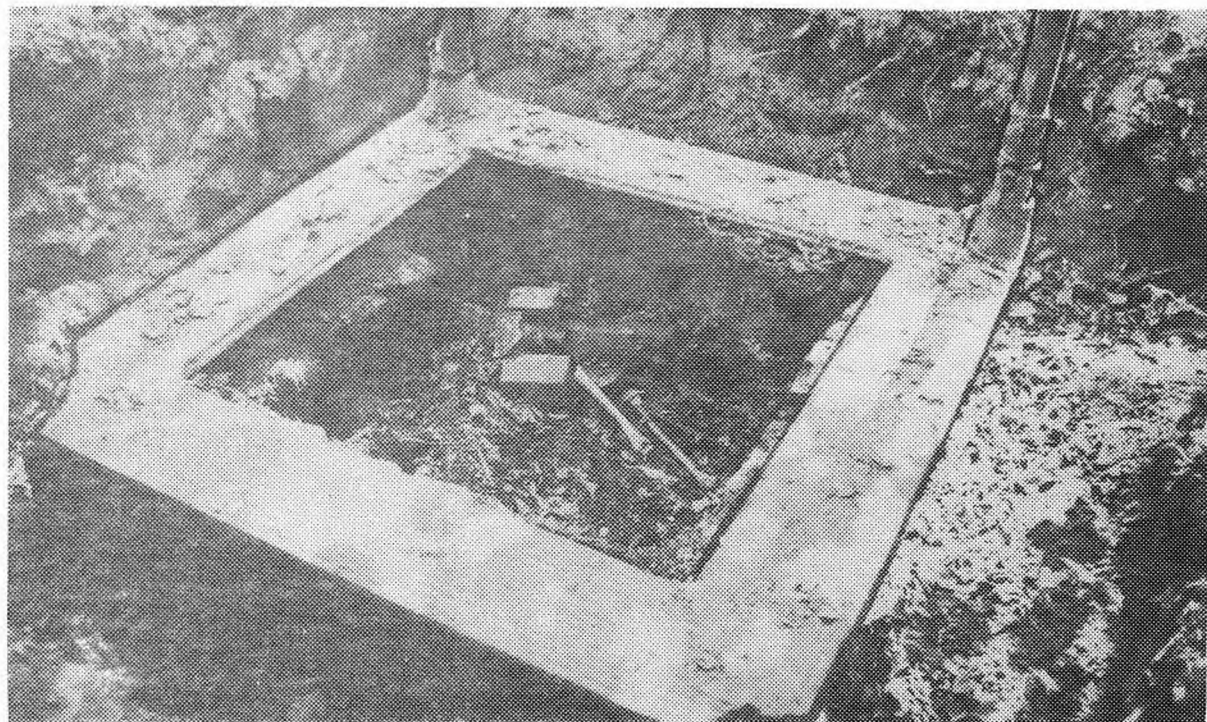

Мемориальная доска, установленная на доме М. Я. Диеза в Нерехте 21 октября 1989 года. Фото Г. Белякова.

Могила Ф. А. Голубинского на
Иоанно-Богословском кладбище.
Июнь 1988. Фото Г. Белякова.

«Почин» за расчисткой отмостки
вокруг здания церкви Иоанна Бо-
гослова (XVII в.). Лето 1988. Фото
Г. Белякова.

С этого момента политическая система названий центра Костромы приобрела почти законченный характер в полном соответствии с каноном. В центре — площадь Революции (как начало всех начал), к которой примыкает Советская площадь. От нее отходят основные улицы-лучи: ул. Ленина, проспект Сталина, ул. Советская, ул. Свердлова, ул. Пролетарская (ныне — пр. Текстильщиков), ул. Шагова и ул. Симановского. В центре площади Революции — сквер имени Долматова с могилой Д. И. Долматова, неподалеку — на месте взорванного соборного ансамбля Костромского кремля — парк культуры и отдыха имени В. И. Ленина с огромной фигурой Ленина, стоящей на постаменте недостроенного монумента в честь романовской династии. На Советской площади другой памятник — Ленину и Сталину... (Единственное, что несколько нарушало картину, — маленькая, спускающаяся к Волге улица с совершенно аполитичным названием «Молочная гора»).

***

Последовавшая вслед за смертью И. В. Сталина и XX съездом КПСС «десталинизация» привела к тому, что наряду с другими внешними проявлениями культа Сталина были убраны все названия, связанные с именем бывшего главы государства, а также — с именами наиболее скомпрометированных лиц из его ближайшего окружения. Осенью 1961 года — сразу после XXII съезда КПСС — одновременно со сносом всех памятников Сталину исчез в Костроме и проспект Сталина, переименованный в проспект Мира.

То же самое происходило и в области: повсюду убрали названия, связанные со Сталиным, Молотовым, Кагановичем и др. Еще раньше — в 1953 году — исчезли все названия, напоминающие о Берии.

Конечно, во второй половине 50-х — начале 60-х годов система политических названий дала известную трещину, но в целом канон названий остался прежним, и все произошедшие изменения почти не выходили за рамки присущей политической лексике конъюнктурности. Продолжались и (если можно так сказать) «традиционные» переименования.

В 1948 году, в связи со 125-летием со дня рождения А. Н. Островского, Семеновский район области был переименован в Островский район. В 1956 году, когда отмечалось уже 70 лет со дня смерти великого драматурга, был переименован и сам районный центр. Одно из древнейших сел края — Семеновское-Лалотное, утратив в конце 30-х годов приставку «Лалотное», лишилось теперь и коренного названия — Семеновское, становясь селом (ныне поселком) Островское.

В 1961 году после полета в космос Ю. А. Гагарина, как и во всей стране, в большинстве городов и поселков области появились улицы Гагарина. Опять сработала старая схема, когда имя конкретного человека было одновременно протиражировано во множестве названий. Штурм космоса продолжался, и в 1963 году в Костроме была переименована в ул. Терешковой Кирпичная улица (раньше называвшаяся также — Кирпичный переулок) — одна из многих оставшихся непереименованных улиц города, хранящая в своем прежнем названии память о существовавшей здесь старинной Кирпичной слободе.

Пресловутая ныне «эпоха застоя» для Костромы в топонимическом плане характерна прежде всего отбрасыванием еще одного из последних старых названий города — Сенной площади. Как в свое время Муравьевка (она же Всехсвятская), переименованная сгоряча в ул. Рентгена, в связи с сосредоточением на ней губернских органов власти, получила и более соответствующее и респектабельное название — ул. Держинского, так и эта площадь, в связи с началом создания на ней нового общественно-административного центра Костромы, лишилась своего исторического имени — слишком простодушного и аполитичного. Формальным поводом для нового названия — площадь Мира — послужила закладка в 1967 году на площади так называемого монумента Славы.

Семь десятилетий — то быстрее, то медленнее, но никогда не останавливаясь — шел на костромской земле процесс переименований. В результате всего этого в нашей Костроме редко-редко мелькнет чудом уцелевшее историческое название: Щемилровка, Ямская, Пятницкая, Мясницкая... Но эти названия — как островки в безбрежном море, или как лучи света в известном царстве — тонут в окружающей их серой политической обделке.

Выше говорилось о том, что утрата исторической памяти — одна из причин нынешнего кризисного положения страны. Выйти из него мы сможем только совместными усилиями. В прежние времена основным автором всех названий был народ, государство в деле названий играло весьма ограниченную, второстепенную роль. В минувшие семь десятилетий главную роль в деле выбора названий любого ранга играл очень узкий круг лиц. Народ, конечно, как и раньше, оставался автором многих названий, и они по-прежнему были ярки, точны и красивы (сравним, например, народное название известного костромского парка — «Берендевка» с его официальным наименованием — парк им. 50-летия Советской власти), но никакой возможности влиять на выбор официальных названий он не имел. Наряду с отчуждением от средств производства и от власти, люди были отчуждены и от этого.

Перестройка нужна и здесь. Вопросы о судьбе названий — и новых, и старых — должны решаться гласным, демократическим путем.

Первым шагом в эту сторону явилось распространение Костромским областным отделением фонда культуры анкеты со списком населенных пунктов, улиц, площадей и учреждений области, которым предлагается вернуть исторические названия. Анкета эта разошлась в сравнительно узком кругу — среди краеведов, работников музеев и архивов, научных сотрудников, преподавателей, писателей, журналистов и т. д. Сейчас же анкета Фонда культуры выносится на несравненно более широкий круг читателей, и это также является одним из шагов в сторону демократизации и в вопросах о судьбах названий — памятников истории и культуры.

ЧТО НАДО ВОЗВРАТИТЬ?

Как говорилось выше, Кострома, к счастью, избежала участи, например, Твери, или Нижнего Новгорода, или Вятки, т. е. она сохранила свое историческое имя. Сохранили свои древние имена и большинство исторических городов и сел нашего края: Галич, Чухлома, Солигалич, Судиславль, Макарьев, Нерехта, Кадый, Судай... Но без потерь в списке названий населенных пунктов костромской земли, к сожалению, не обошлось.

Как мы помним, с лета 1939 года старинное наше село Молвитино называется Сусанино. Инициатива Фонда культуры обсудить вопрос о возможности восстановления этого исторического названия нашла поддержку у отвечающих на анкету, хотя немалое количество ответов было отрицательных — их авторы считают, что возвращение исторического названия села будет актом неуважения по отношению к памяти нашего национального героя. Но так ли это? Посмотрим на факты объективно.

Сам Иван Сусанин прямого отношения к с. Молвитину не имел. Жил он в деревне Деревенька (или в некоторых источниках — Деревнище), вблизи с. Домнино. Погиб он, по некоторым данным, то ли в окрестностях села Исупово, то ли в самом Исупове. Опять-таки, по некоторым данным, могила национального героя России находится в ограде нынешней Успенской церкви в с. Доминие. Трагические и во многом загадочные для нас события осени 1612 — весны 1613 годов происходили в районе этих населенных пунктов, у знаменитого Исуповского (или — «Чистого», или «Сусанинского») болота. Так что само Молвитино никакого прямого отношения к Сусанину (точнее — к сусанинскому подвигу) не имеет.

Несколько десятилетий после революции была заброшена и разрушалась мемориальная часовня в сусанин-

ской Деревеньке, поставленная в начале нашего века на том месте, где по преданию находился дом нашего знаменитого земляка. В конце 30-х годов, практически одновременно с переименованием Молвитина, в этом селе была закрыта церковь Воскресения, которую все мы знаем с детства по картине А. К. Саврасова «Грачи прилетели». С церкви, являющейся национальной святыней русской культуры, были сбиты глаза, разрушена ограда, сама церковь стала использоваться под склад.

На этом фоне переименование Молвитина в Сусанино выглядит явно показным, чисто политическим шагом, очень и очень далеким от реального уважения наших предков. Тем более (еще раз повторю!) само Молвитино прямого отношения к подвигу Сусанина не имеет, с таким же успехом тогда, в конце 30-х, можно было переименовать в Сусанино или Сусанинск и Кострому. В последние годы Воскресенская церковь — памятник архитектуры XVII—XIX веков — практически возрождена, отреставрирована и часовня в Деревеньке. В 1988 году на месте бывшей деревни Анферово, на возвышенности перед легендарным болотом, установлен очень хороший памятный знак в честь 375-летия подвига Сусанина. На наших глазах восстанавливается подлинно уважительное отношение к нашему прошлому. Топоним «Молвитино» — это такая же неотъемлемая часть нашей истории и культуры, как и названия Москва, Псков, Бородино, Михайловское, Ясная Поляна, и, вероятно, это красивое старинное название следует вернуть.

* * *

Другой населенный пункт — старейшее село костромского края Семеновское, прозванное нашими предками «Лалотным», потому что село это было крупнейшим в нашей полосе центром производства изделий из лыка, в том числе, естественно, и лаптей. В XIX веке это второе народное название было признано официально, и долгое время село было известно как «Семеновское-Лалотное». После революции вторая часть названия села была отброшена, и оно стало называться просто Семеновское, а в 1956 году, к 70-летию со дня смерти А. Н. Островского, его переименовали в Островское.

Как и в случае с Молвитином, часть отвечающих на анкету Фонда культуры поддержало идею восстановления топонима «Семеновское-Лалотное», часть отнеслась к этому настороженно, считая, что восстановление исконного названия может бросить тень на Островского. Но это, конечно, не так. Никакого прямого отношения к А. Н. Островскому это старинное село не имело. Несомненно больше оно было связано с жизнью и творчеством другого великого деятеля русского искусства — Б. М. Кустодиева (и в принципе дело могло сложиться так, что этот населенный пункт могли переименовать в какое-нибудь «Кустодиево»).

Что дало переименование Семеновского в «Островское»? Прибавило ли оно славы великому писателю нашей земли? Конечно, нет. Фигуры такого масштаба и значения, как А. Н. Островский, в подобном увековечивании вовсе не нуждаются. Кроме безусловного вреда культуре и исторической памяти это (для галочки, к юбилею!) переименование ничего больше не принесло. С таким же успехом можно было переименовать и Щельково (ведь переименовали же перед войной Грешнево в Некрасово).

Название «Семеновское-Лалотное» — уникально. К тому же оно двойное, а двойные названия, как правило, более интересны, красивы, несут большой запас исторической памяти (например, Никола-Бережки, Спас-Пенья). Некоторые из отвечающих на анкету считают, что восстановление исторического названия может как-то унижить нынешних жителей поселка. Да, старое название содержит в себе элемент иронии, но — хорошей, сочной, народной иронии. Это живое и яркое название «Семеновское-Лалотное» желательно было бы вернуть.

К тому же, в случае с населенными пунктами Островское и Сусанино возможен и такой вариант: райцентры восстанавливают свои исторические названия «Молвитино» и «Семеновское-Лалотное», а сами районы остаются Сусанинским и Островским. Такие прецеденты в стране имеются, есть и у нас в области поселок Богозарово — центр Октябрьского района.

* * *

Некоторые участники анкеты не уловили смысла предлагаемого отбрасывания последней буквы «о» в названии Парфеньево. Старинный город-крепость на Неве Парфеньев (иногда название его еще писалось Парфентьев), в XVIII веке был разжалован из города в посад (посад — нечто среднее между городом и селом). После революции и посад Парфеньев стал числиться селом и название его соответственно стало Парфеньево. Из городов, ранее входивших в Костромскую губернию, такая же участь постигла и г. Варнавин, переименованный в село Варнавино.

На первый взгляд это все кажется пустяком, но если вдуматься — это не пустяк. Надо вернуть старинному населенному пункту статус поселка (или еще лучше восстановить его как город) и с полным основанием восстановить тогда исконный мужской род его названия — Парфеньев. Такое восстановление произошло недавно не так далеко от нас — на Верхней Волге, когда по просьбе местных жителей старинный городок Мышкин, долгое время называвшийся село Мышкино, вернул себе исконную форму названия.

* * *

Подавляющее большинство отвечающих на анкету поддержало идею о восстановлении названий Святое озеро и сельцо Святое, только несколько человек высказали мнение о том, что это будет неуважительно по отношению к Н. А. Некрасову. Что можно сказать в защиту этих старых топонимов окрестностей Костромы?

Во-первых, это действительно святое места для любого культурного человека, в масштабах нашего края они играют примерно ту же роль, что и Куликово поле для всего нашего Отечества. Берега Святого озера хранят память о двух важных событиях нашей ратной истории: сражениях с татарами в 1263 году и с поляками в 1609 году. До революции у озера стояли две часовни — памятники павшим в этих сражениях. До нас дошла только одна часовня, другая была разрушена уже в послевоенное время.

Во-вторых, переименование и озера, и населенного пункта на его берегу в начале 1923 года, формально обусловленное юбилеем Н. А. Некрасова, фактически имело целью убрать еще одно «религиозное» название возле самого города. Имя великого русского поэта при этом было выбрано случайно: ссылались на то, что Некрасов, действительно, неоднократно проезжал через Святое по пути из Грешнева в Кострому и обратно. Но по старому ярославскому («луговому» — как его называли) тракту кто только не проезжал через Святое в прошлом; и большинство декабристов, и А. Н. Островский, и Н. Г. Чернышевский, и Николай I и т. д. Так что восстановление названий Святое озеро и сельцов Святое унижить Некрасова никак не сможет.

В-третьих, при восстановлении исторического названия озера следует учесть и то, что это озеро — практически единственное из целого ряда древних озер, находившихся еще в 50-е годы вблизи Костромы (Великое, Борисово и др.), — не затоплено т. н. «костромским морем».

* * *

Многие из отвечавших на анкету, дойдя до названий «Бухарино» и «Зиновьево», решили, что речь идет о восстановлении названий, рожденных в 20-е годы. Конечно, это не так: и Бухарино, и Зиновьево — старинные русские названия. Переименованы они, как писалось выше, то ли по недоразумению, то ли для перестраховки. Бухарино — древний населенный пункт в окрестностях Парфеньева (недавно, например, краевед М. Н. Соловьева передала в дар областному отделению Фонда культуры свой труд «Бухаринская схожая изба 1621—1753 гг.», в которой рассматривает дошедшие до нас посвященные Бухарину документы XVII—XVIII вв.).

Зиновьево — старинное сельцо в окрестностях Костромы, дворянская усадьба в Зиновьево принадлежала в начале XIX века известному русскому генералу П. Я. Корнилову, сыгравшему видную роль в Отечественной войне 1812 года. Усадьба в Зиновьево после революции погибла, находившиеся неподалеку церковь и кладбище

при ней уничтожены. От некогда замечательной усадьбы остался только липовый парк и небольшой каменный флигель. Осенью 1989 года в этом парке был открыт памятный знак в честь П. Я. Корнилова.

Безусловно, что названия Бухарино и Зиновьево нужно вернуть, тем более что местные жители и до сих пор их так называют: спущенные сверху «Ворошилов» и «Кирово» не прижились.

* * *

Анкета Фонда культуры предлагает обсудить вопрос о восстановлении ряда исторических названий в городе Костроме.

Возьмем нашу старую центральную площадь — этот замечательный пример ансамбля памятников архитектуры XVIII—XIX веков. Появившись в ходе перепланировки Костромы в конце XVIII века, она первоначально называлась Екатерининской, а с 1842 года, с момента закладки на ней памятника Сусанину, — Сусанинской площадью. Такое название площадь носила 76 лет — до 1918 года, когда ее переименовали в площадь Революции.

Первоименование площади произошло одновременно с частичным уничтожением памятника Сусанину. Летом 1918-го была снесена вся верхняя часть памятника — колонна с бюстом царя Михаила Федоровича и колесо-трекляе у подножия колонны фигура Ивана Сусанина. Колонна была закопана на площади, а бронзовые фигуры молодого Романа и Сусанина, по одним сведениям, были утоплены в Волге, по другим — будто бы где-то закопаны, по третьим — отправлены в переплавку. Оставшаяся часть монумента еще 14 лет — пока не была разбита на щебень — использовалась для установки плакатов и портретов вождей.

Возражающие против восстановления старого названия говорят, что площадь по праву носит нынешнее название, поскольку с ней связаны основные события революционной истории Костромы. Это, конечно, так, хотя большинство митингов и демонстраций 1917—1918 гг происходили на Воскресенской площади (ныне — Советской). Сусанинскую площадь революционные события, конечно, не могли миновать, но ведь здесь проходила вся официальная жизнь Костромы, здесь весь XIX и начало XX вв. встречали и провожали уходящие на войну воинские части, здесь проходили всевозможные церемонии, здесь кипела торговая жизнь и т. д.

Выше говорилось, что название «площадь Революции» давно превратилось в штамп, трафарет, общее место почти для всякого города. Кроме Костромы, в нашей области так же называются центральные площади и в Галиче, и в Чухломе, и в Макарьеве, и в Буге; из соседних с нашим краем городов — в Вологде, Иваново, Кинешме, Плесе. Это название давно никак не работает, а просто лишь служит определенным топографическим ориентиром. К тому же в Костроме есть и другая площадь с названием-синонимом — Октябрьская.

Старое же название — Сусанинская площадь — само по себе, оно — специфически костромское, такого названия больше нигде не было. Официальное по происхождению, оно близко к народным названиям и почти современно возникновению самого архитектурного ансамбля площади.

Переименование площади — как бы его ни подавали — было актом неуважения к памяти Ивана Сусанина, национального героя России, актом неуважения к нашей истории. В некоторых ответах на анкету говорится, что можно было бы восстановить название «Сусанинская площадь», если бы был восстановлен на ней старый памятник Сусанину работы В. И. Демут-Малиновского. Может быть, со временем так и будет сделано, но ведь есть и сейчас рядом с площадью памятник И. Сусанину, так что возвращение старого названия будет оправдано и в этом смысле.

Или другая старая площадь Костромы — Сенная, сравнительно недавно, в 1967 году, переименованная в площадь Мира. Топоним «Сенная площадь» в прошлом был обязательной частью названий каждого мало-мальски крупного русского города. Была Сенная площадь в Петербурге (ныне как и у нас, называемая площадью

Мира, и в настоящее время решается вопрос о восстановлении ее исторического названия), в Ярославле (ныне — пл. Труда), в Нижнем Новгороде (в этом городе Сенная площадь сохранилась под своим названием, но это, кажется, — единственный случай в России).

Старое название костромской Сенной площади, народное по происхождению, было связано с торговлей на площади сеном, с сениными рядами, существовавшими здесь, со старыми базарами; оно хранит память об истории этого уголка Костромы. Название это чисто русское, о многом напоминающее. А о чем нам может напомнить название — площадь Мира? Почему именно «Мира»? Потому что рядом проходит проспект Мира? Так ведь за семь последних десятилетий он менял свое название четыре раза: ул. Павловская, ул. Луначарского, проспект Сталина, проспект Мира. Или — из-за довольно посредственного монумента Славы, находящегося ныне на площади? Что, если бы он находился не на площади Мира, а на Сенной площади, мы бы хуже стали относиться к памяти о погибших или к делу защиты мира? Нет, конечно. Как писалось выше, нынешнее типично казенное и ложно торжественное название появилось, когда здесь стали создавать новый общественно-административный центр города и постыдились старого названия — слишком простодушного и аполитичного. Это название — Сенная площадь — конечно, надо вернуть.

* * *

Едва лишь заходит речь о восстановлении старых названий в Костроме, первой всегда называют улицу Нижняя Дебря, которая семь десятилетий известна как ул. Кооперации. Формальным поводом для такого переименования послужило то, что на этой улице располагались кооперативные организации, но ведь были на ней и другие учреждения, даже и революционная история Костромы с нею связана, поэтому выбор нового имени улицы был случаен и формален, взамен его могли взять любое другое.

А вот название «Нижняя Дебря» — название уникальное, уходящее в самую глубь истории города. «Дебря» — старорусское наименование низины, поросшей лесом (Словарь русского языка XI—XVII вв., М., 1977, т. 4. — С. 197). Этот район, действительно, находится в низине, был здесь когда-то и лес, а затем — часть костромского посада. Название связано и с литературой, вспомним роман Вс. Н. Иванова «На Нижней Дебре», пожалуй, самую «костромскую» из всех художественных книг, написанных о нашем городе.

Практически все участники анкеты высказались за возвращение этого старого названия (всего лишь несколько названий, упомянутых в анкете, встретили столь единодушную поддержку).

И еще хотелось бы заметить, что десятилетиями у нас извращалась и оползала сама идея кооперативного движения, но зато улица в честь его у нас была. Так, может быть, теперь, когда кооперация хотя и с трудом, но реально входит в нашу жизнь, пришло время вернуть Нижнюю Дебрю?

Вторая старейшая улица Костромы — Мшанская (ныне — Островского). Возникновение этого названия относится к периоду не позднее XVI века, а вероятно, — гораздо раннему. Было время, когда эту улицу переименовали в Московскую (так как по ней проходила дорога на Москву через Костромку и по «лугозому» тракту — в сторону Ярославля), но костромичи по-прежнему продолжали называть ее Мшанской. В 1923 году улицу переименовали в улицу Трудовой школы, а в 1948 году, в связи со 125-летием со дня рождения А. Н. Островского, назвали улицей Островского. Формально — почтили память великого писателя, но вряд ли Островский нуждается в таком почитании. Напомню, что до революции на той же улице (в здании, где сейчас находится театр кукол) располагалась народная читальня имени А. Н. Островского, упраздненная сразу после революции. Вот это — пример уважительного, серьезного отношения к памяти классика, когда его имя получает очаг культуры. А улица Островского — это формально, для галочки. На Мшанской Островский никогда не жил, ничего связанного с его именем на

этой улице нет, с таким же успехом так можно было назвать любую другую улицу нашего старого города.

Предложение о восстановлении исторического названия улицы (происходящего то ли от того, что здесь когда-то добывали мох, то ли от того, что его здесь продавали) среди участников анкеты вызвало немало возражений. Вновь грезорится о возможном неуважении к памяти драматурга. Но мне думается, что нам следует возродить уважение к памяти Островского реальное, а не показное, в виде формальных юбилеев. В 30-е годы была наполовину разрушена церковь Благовещения в Костроме (ул. Свердлова, д. 24), которую построил, в которой долгие годы прослужил дед А. Н. Островского, протоиерей Ф. И. Островский (и в ней он крестил своих детей). До сих пор в обезображенном здании церкви находится хлебозавод. В крайне тяжелом состоянии приведен дом дяди А. Н. Островского, протоиерея П. Ф. Островского, одного из крупнейших историков Костромы. Несколько лет назад дело уже доходило до разговоров о взрыве этого дома (ул. Горная, д. 85). Можно напомнить и о том, что в июле 1934 года в нашем бывшем кремле был взорван Богоявленский зимний кафедральный собор, в котором — в знак признания его особых заслуг — был похоронен П. Ф. Островский. Ну и, наконец, нынешняя история строительства в самой непосредственной близости от Щельково, в 8-ми километрах от могилы А. Н. Островского, крупного химического производства...

Вряд ли в свете этих фактов можно грезорить о том, что восстановление старых русских названий может казаться хоть какой-то ущерб памяти Островского.

И третья старейшая улица Костромы — Русина. В дошедших до нас документах эта улица упоминается с начала XVII века, название это скорее всего происходит от старорусского мужского имени — «Русин». Название эта улица сохраняла несколько веков (был период, когда ее переименовали в ул. Кинешемскую, но затем вернулись к первоначальному названию). В 1918 году, к первой годовщине Октября, улицу переименовали в ул. Советскую (Советской тогда же назвали и Воскресенскую площадь). Никогда еще ни в одном предложении по восстановлению старых названий имя этой улицы не звучало. Опасались, что официальные инстанции расценят это как покушение на Советскую власть. Но теперь можно спокойно и гласно решить, какое из двух названий нам ближе — старинное, несколько загадочное, и, к тому же, единственное в России — Русина, или же — Советская, одна из тысяч Советских улиц Советского Союза...

В ответах на анкету за нынешнее название улицы не высказался почти никто: половина отвечавших поддержала восстановление Русини улицы, другие, не возражая в принципе, считают, что на это никто не пойдет. В некоторых ответах приводятся предложения восстановить название Русина улица только в ее исторических границах — до Октябрьской площади. Это — разумно.

Еще несколько старинных названий, вопрос о возвращении которых ставится Фондом культуры.

Улица Войкова. До революции это был Жохозский переулоч, называвшийся так по усадьбе старинного дворянского рода Жоховых (главный дом этой усадьбы существует и поныне — ул. Войкова, д. 6). Одним из предков рода Жоховых был боярин Иван Родионоич, по прозвищу Квашня, бывший в 1380 году на Куликовом поле воеводой полка, в который входили и отряды костромичей. Из поздних Жоховых известен А. Н. Жохов, исследователь Арктики (в его честь назван остров Жохова в Восточно-Сибирском море). Уже одна эта священная память истории должна защитить и обосновать для нас необходимость возвращения исторического названия. П. Л. Войков, советский полпред, убитый в 1927 году в Варшаве русским эмигрантом в отместку за причастность к казни царской семьи в Екатеринбурге в 1918 году, никакого отношения к Костроме не имеет. Улиц Войкова в нашей стране достаточно, они есть почти в каждом городе. Жохозский же переулоч был один на всю Россию.

Улица Терешковой. Старое ее имя — Кирпичный переулоч (называемый также Кирпичной улицей). На пер-

вый взгляд это название сродни названиям: Строительная, Силкатная и т. д. Но в действительности здесь отразилось нечто дрезнее, узодящее в историю Костромы: память о старинной Кирпичной слободе, существовавшей здесь, память о знаменитых в прошлом костромских «кирпичных дел мастерах». Конечно, В. В. Терешкова — человек в высшей степени почтенный, но с Костромой — а уж тем более с Кирпичным переулочом — первая женщина-космонавт никак не связана.

И еще одна старинная, спускающаяся к церкви Воскресения-на-Дебре, небольшая улица. С 1925 года она называется Осыпной, а почему именно — даже трудно и предположить. Историческое название этой улицы — Рукавишниковский переулоч — происходит то ли от фамилии купцов Рукавишниковых, некогда живших тут, то ли от ремесленников, изготовлявших рукавицы. Во всяком случае, учитывая особую важность всего этого исторического района вокруг древнего костромского храма, Рукавишниковский переулоч надо восстановить.

Следует также вернуть старое название пересекающему нынешнюю Осыпную улицу Музейному переулочу. Историческое его имя — Воскресенский (по церкви Воскресения-на-Дебре). В 1925 году его назвали Пожарным, а в 1938 году — Музейным, очевидно, в связи с планами устройства в закрытом храме Воскресения музея. Но, как известно, вместо музея церковь Воскресения превратили в склад, находящуюся рядом зимнюю Знаменскую церковь наполовину разрушили, а колокольню уничтожили полностью. Лишь после войны церковь Воскресения-на-Дебре была вновь открыта и постепенно опразилась от разрома, а в ближайшие годы, несомненно, будет решен вопрос о реставрации Знаменской церкви. Логичным было бы с этой связью и восстановление старого названия — Воскресенский переулоч.

* * *

Надо также решить вопрос о восстановлении исторической части Костромы названий, может быть, не столь оригинальных и самобытных, но старинных, крепко связанных с историей города.

Если еще как-то можно понять логику тех, кто Нижнюю Дебрю презршил в улицу Кооперации, то появление в Костроме улицы Чайковского — просто классический пример произвола. «Религиозное название этой улицы — Ильинская, или Ильинка — убрали в 1925 году, переименовав ее в Бульварную. А между тем старое имя было крепко «привязано» к истории Костромы. Восходит оно к церкви Ильи-пророка, стоявшей здесь, у кремля, по меньшей мере с XVI века. Выше грезорилось, что ликвидация «религиозных» улиц почти всегда сопровождалась уничтожением связанных с ними церквей. Точно так поступили и здесь: через несколько лет после переименования улицы Ильинская церковь, памятник архитектуры XVII—XIX вв., была на две трети разрушена, от нее осталась только трапезная и нижняя часть колокольни (ул. Советская, д. 4; ныне в этом здании предполагают разместить центр социального обслуживания одиноких и престарелых). В 1940 году отмечалось 100-летие со дня рождения П. И. Чайковского, и улицу переименовали в честь великого композитора. Разумеется, П. И. Чайковский никогда в Костроме не бывал, не было на этой улице и ничего, связанного с музыкой. Выбрали ее, видимо, потому, что была установка — отметить юбилей; переименования же по такому поводу уже стали нормой. Менять какое-то другое название в центре, где господствовали политические названия, было нельзя — вот выбор и пал на Бульварную улицу. Отмечайся тогда, в краткий период советско-германской дружбы, юбилей Бетховена — могли бы назвать и улицей Бетховена. Старинную Ильинскую улицу надо вернуть городу.

Улица Крестьянская. Существует с 1925 года, а до того она была Борисоглебским переулочом, по церкви Бориса и Глеба, стоявшей в его конце, на углу с Муравьевкой, по меньшей мере с XVI века. Построенная на месте деревянной каменной церкви — замечательнейший памятник архитектуры начала XIX века — через несколько лет после переименования переулоча была полностью уничтожена.

Третий пример — идущая параллельно Крестьянской улице Горная. Это бывший Богословский переулок, по церкви Иоанна Богослова «на Кадкиной горе» (XVII—XIX вв.), разрушенной, к счастью, лишь частично (ныне в этом здании размещается планетарий). В Богословском переулке жил А. Ф. Писемский (д. 7), здесь жил и упоминаящийся выше историк П. Ф. Островский (д. 86), дядя А. Н. Островского, у которого не раз гостил и сам Островский. Вся эта небольшая улочка, сохранившая и свою старинную планировку, и старинную застройку, представляет собой настоящий музей, так что и историческое название вернется к ней естественно и логично.

В поддержку наших предложений заметим, что несколько «религиозных» названий в Костроме уцелело: Пятницкая, Лавровская, Ивановская... И поскольку мир от этого не перевернулся, то и не перевернется он, если мы восстановим сейчас Ильинскую улицу вместе с Богословским и Борисоглебским переулками.

* * *

Наряду с площадями, улицами и переулками исторические названия надо вернуть еще целому ряду объектов.

Пруд при пересечении улиц Шагова и Долматова сейчас в разговорной речи чаще всего именуют «долматовским», но пруд этот имеет и свое историческое название — «Козмодемьянский», данное по стоявшей тут с древности и разрушенной в начале 30-х годов церкви Козьмы и Демьяна «в Кузнецах» (сейчас на месте церкви находится т. н. «дом специалистов»). Почему бы официально не восстановить это историческое название последнего сохранившегося в центральной части Костромы пруда? Тем более, что никто его, кажется, и не отменял!

В последнее время, в основном в связи с проведением Дня города, в официальных бумагах земелькал сквер, именуемый «сквер напротив горисполкома». А ведь этот достаточно старый костромской сквер также имеет свое историческое название — «Ботниковский». Наименование он получил по фамилии инициатора его создания — Г. Н. Ботникова, бывшего в предреволюционное время городским головой Костромы и депутатом Государственной Думы. Раз никакого другого названия у сквера не появилось, то почему бы не вспомнить прежнее? Разве испортит оно центр Костромы? Ведь древняя купеческая фамилия Ботниковых (известна она, по крайней мере, с начала XVII в.) — неотъемлемая часть истории Костромы.

На пересечении улиц Советской и Чайковского находится гостиница «Центральная», памятник архитектуры XVIII—XX вв. Вроде бы все логично — гостиница, действительно, находится в центре. Но, во-первых, в центре она не единственная, а, во-вторых, мы знаем, что примерно к середине XIX века и вплоть до революции эта гостиница называлась «Старый Двор». Понятно, что в свое время это достаточно звучное и красивое название было «не ко двору», но что мешает восстановить его сейчас, взамен нынешнего бюрократизированного — «Центральная»? Эту идею поддержали практически все отвечающие на анкету Фонда культуры.

Вплотную к старой гостинице примыкает первый костромской кинотеатр, получивший при открытии в 1913 году название «Пале-театр» («пале» — по-французски дворец). Названия кинотеатров России 1910—20-х годов, как правило, были очень яркие, броские — «Арс», «Орион», «Модерн» и др. Историческое название кинотеатра (костромичи обычно называли его «Пале») продержалось до ноября 1939 года, когда попало под кампанию искоренения названий иностранного происхождения. Взамен появилось нынешнее — кинотеатр «Художественный». Голоса участников анкеты по вопросу о «Пале» разделились, но, думается, самому старому из ныне существующих кинотеатров Костромы стоит вернуть историческое название.

* * *

Нельзя не вспомнить про «Чижовское» училище (ныне — химико-технологический техникум им. Л. Б. Красина), построенное по воле и на средства, оставленные Ф. В. Чижовым.

Федор Васильевич Чижов (1811—1877) был уроженцем Костромы, профессором Петербургского университета, энциклопедически образованным человеком, автором множества статей и книг. За участие в освободительном движении славянских народов тогдашней Австро-Венгрии он был заключен в Петропавловскую крепость, а позднее сослан. После смерти Николая I Ф. В. Чижов освобождается из ссылки и принимает активнейшее участие в развитии русской промышленности и строительстве железных дорог. Чижов был одним из руководителей в строительстве железной дороги, которой костромичи пользуются и поныне — Москва-Ярославль. Перед смертью Ф. В. Чижов завещал свое состояние на дело просвещения в родной Костромской губернии. На его деньги в конце прошлого века в нашей губернии было открыто пять крупных для того времени училищ: два — низшее и среднее техническое — в Костроме, и по одному в Макарьеве, Кологриве и Чухломе. Все они получили имя Ф. В. Чижова.

Посмертная судьба всего связанного с памятью о Федоре Васильевиче Чижове по-своему характерна. Чижов был похоронен в Москве, на кладбище Данилова монастыря (вблизи от могилы Н. В. Гоголя, с которым он в молодости был близок). Кладбище это, как известно, было после закрытия монастыря ликвидировано. В костромском крае имя Чижова сняли со всех основанных на его средства учебных заведений, причем в костромском Чижовском училище была уничтожена картина, изображающая Ф. В. Чижова работающим у наковальни, разбит бюст Чижова. В 1927 году училищу было присвоено имя Л. Б. Красина.

Ныне Данилов монастырь возрожден, на территории разоренного монастырского кладбища в память о всех погребенных на нем поставлена небольшая часовня. У нас, на родине Ф. В. Чижова, лучшим памятником ему было бы восстановление старого названия училища — имени Ф. В. Чижова. Часть отвечающих на анкету и многие ветераны училища возражают, считая, что это принижит Л. Б. Красина.

Но так ли это? Во-первых, Л. Б. Красин — действительно выдающийся деятель революционного движения в России — не имеет никакого отношения к старому Чижовскому училищу. Присвоение его имени училищу было делом случайным, могли выбрать имя Красина, могли кого-нибудь другого. Во-вторых, в Костроме остается завод им. Л. Б. Красина (бывшие мастерские Чижовского училища). Да и вообще память о Л. Б. Красине в нашей стране, если судить по количеству улиц, учреждений и предприятий, носящих его имя, далеко не унижена. А вот память о Ф. В. Чижове — выдающемся деятеле русской культуры XIX века — поругана и причем даже на его родине. Это — факт, это — надо понять.

Ведь могли бы и Третьяковскую галерею в Москве в свое время переименовать, например, в галерею имени А. В. Луначарского, и вот представим, что сейчас общественность стала бы предлагать восстановить справедливость, а ей бы возражали, что хотя Луначарский пристрастием к галерее не имел, но он покровительствовал искусству и вообще был очень хорошим человеком. Ситуация с Чижовским училищем примерно такая же.

Приближается вековой юбилей открытия училища, неужели к этому времени имя Ф. В. Чижова не займет свое законное место в наименовании основного по его воле учебного заведения?

* * *

Еще в середине века Кострому окружило кольцо слобод: Кирпичная, Гашеева, Ямская, Спасская и Никольская за Волгой, Ипатьевская и Андреевская за рекой Костромой, Татарская слобода за Черной речкой и др. Эти слободы в XVIII—XIX веках одна за другой входили в черту города, но память о них хранили названия улиц: Ямская улица — о Ямской слободе, Гашеева — о Гашеевой, Кирпичный переулок — о Кирпичной и т. д. В 1918 году у оставшихся слобод были отброшены их старинные «религиозные» названия — древнюю Ипатьевскую переименовали в Трудовую, Андреевскую — в Рабочую, на находившуюся за Волгой Спасо-Никольскую — в слободу Metallистов.

Письмеров А. В. [Кострома]

РАЗРУШЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ТАЕЖНОЙ БИОТЫ

Анкета Фонда культуры предлагает восстановить историческое название — «Ипатьевская слобода». Это предложение поддержали все участники анкеты. Конечно, название «Трудовая» у древней монастырской слободы надо убрать. Слобода входит в охранную зону, на ее территории находятся «экспонаты» музея-заповедника — деревянная церковь Собора Рождества Богородицы XVI века, здесь уцелел замечательный памятник зодчества XVII века — церковь Иоанна Богослова (по которой слобода имела и второе название — Богословская). Вся слобода вместе с Ипатьевским монастырем образует единый ансамбль, и поэтому восстановление ее названия — Ипатьевская — логично и естественно.

* * *

В некоторых устных отзывах на анкету крайне отрицательно оценивалось само вынесение на обсуждение вопроса о судьбе некоторых названий (такого, например, как площадь Революции). При этом говорилось о недопустимости «посвягать на святыни» и «разрушать все, что было». Таких мнений нельзя не учитывать. Но что можно возразить на это? Во-первых, обсуждать — гласно и демократично — это еще не значит «посвягать на святыни». А во-вторых, нашим государством сейчас провозглашен и проводится на международной арене курс на деидеологизацию и деполитизацию межгосударственных отношений. Такая же политика терпимости, гуманизма, широты взглядов необходима и в деле с названиями. Корпус названий, безусловно, нужно разгрузить от явно излишних политических имен. Надо осознать, что названия — не Доска почета. Никто ничего не имеет, например, против Карла Либкнехта — выдающегося борца против войн и милитаризма, но нужны ли улицы К. Либкнехта в каждом нашем райцентре?

Конечно, восстановление исторических названий — дело достаточно непростое. Непросто это и в чисто бытовом отношении — после возвращения исконных названий люди какое-то время испытывают различные неудобства, т. е. выросли целые поколения, свыкшиеся с нынешними названиями. Но, как показывает опыт других городов, возвращенные старые названия удивительно быстро входят в жизнь. Объясняется это в первую очередь тем, что старые названия обычно совсем никогда не забываются. Мало кто из жителей Сусанина не знает, что раньше оно называлось Молвитиним, помнят и жители п. Островское, что когда-то это было с. Семеновское-Лопотное. Помнят в Костроме и Нижнюю Дебрю, и Сусанинскую площадь, помнят древние названия и в Галиче, и в Судиславле... Говорят также, что изменение названий — дело достаточно дорогое. Но тем не менее, в течение куда более скудных и бедных 70 лет на бесчисленные переименования деньги находились, да и с бытовыми неудобствами людей, когда все вокруг постоянно меняло названия, даже и не думали считать.

Сейчас много говорится о национальных проблемах, о возрождении национальных культур. Надо понять, что бездумное отбрасывание многих старинных русских названий — это одна из форм национального унижения русского народа. Мы не создадим по-настоящему цивилизованного и демократического общества до тех пор, пока не очистим нашу землю от того «словесного мусора» названий, о котором писал К. Паустовский. Конечно, никто не призывает переименовывать в Костроме и области все подряд и восстанавливать все названия, какие были до революции. Это — не реально и не правильно.

Но лучше из неоправданно утраченного: Молвитино, Семеновское-Лопотное, Святое озеро, Мшанская, Русина, Нижняя Дебрю, Сусанинская и Сенные площади и др. — может вновь вернуться к нам.

Начну с исторического вступления. Исторические документы свидетельствуют, что в прежние времена Костромская губерния обладала еще большей, чем в настоящее время, лесистостью, представляя картину почти сплошного пустынно-лесного пространства. В XVI в., по свидетельству Герберштейна, приводимому приват-доцентом Рожковым в его известной работе «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в.», все земли к северу от Волги, а следовательно и большая часть нынешней Костромской губ., «отличались лесистостью, и почти непрерывные леса покрывали пространство между Двиной, Корелой, Московией и Соловками», — писал в своем труде «Леса и лесное хозяйство Костромской губернии», (т. XIII, ч. I. — С. 23) земский статистик Е. Дюбюк в 1912 году.

Но не только Заволжье дало такую картину: и малолесный в настоящее время юго-запад, правобережная сторона Костромской губернии, был покрыт дремучими лесами. По словам того же Герберштейна, «были покрыты лесами все земли на правом берегу от Углича до Нижнего».

Большая часть городских поселений и монастырей возникает, как это удостоверяют источники, среди первобытного леса. На том месте, где в настоящее время находится Макарьево, до 1439 г. была совершенная пустыня, покрытая непроходимым лесом, состоящим из дубов, сосен и лиственниц. «Обитель, основанная преподобным Макарием, была первым человеческим жильем в этой стороне», — писал Крживоблоцкий в книге «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губ.» (СПб, 1861. — С. 609).

На месте нынешнего Солигалича существовали дремучие леса, среди которых в 1335 г. и был основан Галичским князем Феодором Симеоновичем монастырь (Крживоблоцкий, стр. 606). Точно так же монастыри Железноборовский, Предтеченский (в 15 верстах от Буя), Кривоозерский (близ Юрьевца), Азрамиево-Городецкий и ряд других — возникают в глухих незаселенных, сплошь покрытых лесом, пустынях (Памятная книжка Костромской губ. на 1862, составленная Костромским Губернским статистическим комитетом. Кострома, 1862. — С. 346).

«В XV столетии в окрестностях Нерехты еще существовало бортеводство и имелись бобровые гоны-факты, достаточно ярко характеризующие высокую лесистость края в прошлом.

О высокой лесистости Костромской окраины свидетельствуют также распространенные в те времена во многих местностях губернии соляные варницы, требовавшие большого количества топлива для выварки соли и потому возникавшие только в лесных областях. Такие варницы существовали не только в нынешних Солигаличском, Чухломском и Макарьевском уездах, но также в Приволжской части губернии. В последней, помимо Нерехты, значительное число варниц с незапамятных времен находилось в посаде Большие Соли» (Дюбюк Е. Указ. соч. — С. 24). Следы от добычи топлива для соляных варниц в виде угольных ям мы до сих пор встречаем в солигаличских, чухломских и костромских лесах.

В период, прошедший от губернского межеземья 1818 г. до 90-х гг. XIX в., наблюдалось обезлесение губернии. Наиболее интенсивно шло обезлесение в Буйском (убыль 30,3% лесной площади со времен генерального межеземья), Костромском (19,9%), Макарьевском (17,6%), Варнавинском (16,7%), Ветлужском (9,7%) и Нерехтском (9,0%) уездах. Менее интенсивно сократилась лесная площадь в Галичском и Солигаличском уездах; очень небольшое сокращение отмечалось в Кологривском и Юрьевском уездах. Наконец, Чухломский и Кинешемский уезды обнаруживают не убыль, а, наоборот, прибыль лесной площади.

«Несомненно, — пишет далее Е. Дюбюк, — основным фактором сокращения лесной площади в Костромской губернии явилась колонизация». (Указ. соч. — С. 28).

Но колонизация шла неравномерно по всей территории губернии. Юго-западная часть губернии издавна играла роль колонизационного очага. Нерехтский край, некогда покрытый дремучими лесами, стал обезлесиваться под влиянием колонизационной волны, так как безопасность края влекла сюда население с юга — от набегов татар, и с запада — от постоянных войн с Польшей. Край быстро заселился, а вековые леса были изрублены и превращены в пашни. Уже во времена генерального межевания лесистость этого края не превышала 29%. В аналогичном положении находилась и большая часть Галичского уезда, занимавшего в Московский Руси одно из первых мест по густоте населения.

В остальной части губернии, особенно на севере и северо-востоке, колонизационный процесс, а вместе с ним и внешнее его выражение — обращение леса в пашню и покос — началось позднее, совершались не так интенсивно и далеко еще не закончились даже и в начале XX века. В Ветлужском, Кологривском и других краях до недавних пор еще продолжался процесс заселения лесных пустыней путем образования новых починок. В этих уездах, как и вообще на севере, крестьяне-колонисты селились почти исключительно по рекам, оставляя нетронутыми громадные лесные пустыни, служившие прибежищем разве лишь нелегальным элементам крепостного общества.

Сопоставляя лесистость с густотой населения и процентом крестьянского земледелия, легко убедиться, что эти факторы находятся в тесном взаимоотношении.

В то время (конец XVIII — начало XIX вв.) лесистость Костромской губ. составляла 64% при плотности сельского населения 20,4 чел. на 1 кв. версту и среднем проценте крестьянского землевладения, равном 44, со значительной амплитудой этих показателей: 81,0 — лесистость, 11,3 — плотность, 20,2 — процент крестьянского землевладения в Кологривском уезде до 26,3—47,6 — 83,6 соответственно, в Нерехтском уезде.

«Таким образом, перед нами рельефно вырисовывается значение крестьянской паляшки и покоса как факторов, обуславливающих убыль лесной площади» (Дюбюк. — С. 28).

Убыль лесной площади со времен генерального межевания почти совпадает с увеличением сельскохозяйственной площади: убыль лесов — 547 тыс. дес., прибыль с.-х. угодий — 542 тыс. дес.

Е. Дюбюк отмечает, что борьба между лесом и с.-х. угодьями — процесс двусторонний. Эту закономерность отмечал и Крживоблоцкий (С. 34): «Если с одной стороны, — писал он, — распахивались луговины и расчищались леса под покосы и пашни, то, с другой стороны, множество прежних перелогов и часть сухих лесных лугов запущены под леса; часто под строевыми рощами и борами на сотнях десятин заметны загоны прежних полей, а тем более это встречается в кустарных пустошах» (С. 34). Сам Е. Дюбюк видел сосняки в возрасте 40—50 лет, выросшие на местах запущенных пашен. «Значительное количество запущенных пашен в Солигаличском уезде заросло ельником и лиственными породами». (Дюбюк. — С. 32).

Изложенные Е. Дюбюком факты зарастания пашен в Солигаличском, Чухломском, Костромском и др. уездах подтверждаются данными наших исследований на территории перечисленных выше районов. При проведении в 1972—1988 гг. научных исследований в насаждениях в возрасте от 60 до 130 лет почти повсеместно можно было видеть старопашотные загоны.

Несмотря на закономерный процесс убыли лесных площадей в результате увеличения сельскохозяйственного производства, в составе лесов Костромской губ. в преобладающем большинстве были представлены хвойные насаждения и лишь приблизительно четвертая часть насаждений характеризовалась преобладанием лиственных пород. Процентное содержание хвойных насаждений меняется в том же направлении, как и лесистость, то есть, чем выше лесистость уезда, тем больший процент насаждений представляется хвойными. В направ-

лении с северо-востока на юго-запад вместе с лесистостью снижается и доля хвойных пород. Это связано с общеизвестным явлением — сменой пород, т. е. с появлением на вырубках из-под хвойных насаждений быстрорастущей лиственной заросли.

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. намечается четкая тенденция разрушения первобытной таежной биоты Костромского края, которая усугубилась с введением в начале 30-х годов сплошнолесосечных, носящих характер лесосводки, концентрированных рубок. Только за первые 35 лет (с 1912 по 1947 гг.) в результате рубок и последующей смены пород площадь лиственных лесов удвоилась, а удельный вес их возрос с 20 до 48 процентов.

Доля хвойных за этот же период снизилась на 27%, а за 60 лет — на 32%. За период интенсивной лесозащиты, когда рубилась по 3—4 расчетных лесосеки (с 1947 по 1973 гг.), площади хвойных лесов уменьшились на 4,5% и перешли 50-процентный рубеж, составляя около 48% от лесопокрытой площади. Однако если учесть, что в этих 48% больше половины составляют лиственные породы, то доля хвойных пород составит всего около 25% от покрытых лесом площадей.

Особенно велики потери еловых лесов, которые в этот период составили около 270 тыс. га, или 8,6%. Одновременно на 152 тыс. гектаров, или на 4,5%, возросли площади мягколиственных лесов, что подтверждает факт прогрессирующей смены пород на обширных площадях сплошнолесосечных рубок. Тенденция смены пород смягчается ростом площадей основных насаждений на 130 тыс. гектаров, или 4,1%. Объясняется это хорошей возобновляемостью сосняков на борových песчаных почвах.

Силами заключенных лагерей НКВД системы ГУЛАГ, в состав которых входил и Унжлаг, вырублены сосново-лиственничные корабельные рощи Унженско-Ветлужской низменности, заказанные по указу Петра I.

Сейчас дорубаются первобытные еловые леса на Северных Увалах, кстати, тоже входившие ранее в состав казенных дач. Свидетелем их величия остался небольшой участок — лесной резерват «Кологривский лес» площадью всего 918 га, который после длительной борьбы и многотрудных усилий решением Госплана РСФСР выделен в качестве памятника природы республиканского значения.

Между тем, по свидетельству того же Е. Дюбюка (Леса и лесное хозяйство Костромской губернии, ч. III. Кострома, 1915. — С. 26), крестьянские общины к лесу относились бережно. В то время, т. е. после отмены крепостного права, практиковался так называемый «заказ» лесных участков. «Обращение в «заказ» всей недделенной части надельного леса, — пишет Е. Дюбюк, — означает собой переход лесопользования на высшую ступень регулировки. Такое пользование, где не только нормируется размер его, но и возникают заботы о том, чтобы сделать его непрерывным, отвечает стадии правильного лесного хозяйства». Далее автор констатирует, что такое более или менее правильное хозяйство существует во многих общинах (езде курсив мой—А. П.). Итак, принцип непрерывности пользования лесом был не только сформулирован, но и действовал уже во второй половине XVIII столетия. «В среднем по губернии не рубится около 17% всех неделенных лесных участков» (Е. Дюбюк, 1915. — С. 27).

С начала 30-х годов текущего века леса Костромского края подвергались массовой вырубке вначале, до Великой Отечественной войны, на западе, затем, в послевоенное время, на востоке и севере. Рубка велась сплошь концентрированными лесосеками размером километр на километр и более и по существу носила характер лесосводки.

Никакой не могло быть речи о заповедниках и памятниках природы края. Хотя еще в начале текущего века знаменитый русский лесовод, основоположник труда «Учение о лесе» Георгий Федорович Морозов писал: «Я думаю, что изменение формы лесной растительности, отражаясь на жизни леса, на жизни окрестностей и т. д., влияет на человека еще иным путем; измененная природа должна изменить эстетически и вкус. Бес-

сознательно и невольно человек-художник черпал из леса не только настроение, но и набросы тех форм, которые потом отражались в архитектуре, орнаментике и т. п. Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы опраздять то движение, глубоко симпатичное, которое недавно у нас зародилось, именно движение в пользу необходимости сохранения памятника природы» (Морозов Г. Ф. Учение о лесе. Изд. 2-е. Л.; М.: Госиздат, 1925. — С 314). Это высказывание истинного русского лесоведа вскрывает нравственное социальное значение лесов, их влияние на творчество людей, нравственный облик и духовное воспитание человека.

Какие же формы человек-художник может почерпнуть, обозревая изуродованные гусеницами лесосачных машин вырубки, захламленные дрезсиной ручьи и речки, брошенные и доживающие свой век убогие лесные и сельские поселки? Разве может почерпнуть он вдохновение, когда вместо отраженных в голубых жемчужинах озер и рек вековых елей и сосен он видит изуродованные илистые берега, зарастающие чахлым тальником и ольшаником?

На глазах скудет и исчезает русский ландшафт, превращается в хаос оскверненная таежная биота с ее некогда дремучими лесами, пахучими лугами, светлыми речками и озерами. Уже не жужжит почти нигде труженик-шмель, редко вспорхнет бабочка и прожурчит серебряной трелью жаворонок, а в лесных опушках полей нередко встретишь тушки курляток и тетерева, целлофановые мешки из-под удобрений и другой химии, груды гниющей соломы и другого мусора.

На поля пришла интенсивная технология возделывания зерновых, овощных и технических культур, а помимо, пришла злая беда. Ведь что такое интенсивная технология? Это значит химия, химия и еще раз химия. Забыт и выброшен из практики тразопольный севооборот, позволяющий вести сбалансированное экологозащитное сельское хозяйство. Читаю журнал «Русская мысль» за 1888 год об укладе жизни крестьянской общины, где написано, что крестьянин не имел права продавать на сторону навоз. Излишки навоза он мог сбить только внутри общины. Теперь же эти «излишки» навозной жижи с животноводческих комплексов смызгаются в речки, убивая в них все живое, кроме сине-зеленых водорослей.

Непомерное увлечение химией привело к проблеме нитратов в продуктах питания, которая грозит нарушением генетического аппарата у человека. Сейчас глазуно причину рождения дебилных детей видят в злоупотреблении алкоголем, а, может быть, все же корни этого зла лежат глубже — в самом разрушении генетического аппарата химическими токсическими веществами, попадающими в организм человека с пищей и водой? Сейчас уже доказано, что результаты химической войны во Вьетнаме, которую вели американцы, сказываются много лет спустя из-за нарушения пищевых цепей человека. Человек употребляет с пищей эти токсиканты не непосредственно после их внесения в почву, а после того, как они усваиваются растениями и животными, употребляемыми в пищу эти растения, а затем попадающими на стол человеку. Все равно последствия оказываются трагическими — рождались и продолжают рождаться дети-уродцы.

По своей ранимости природу нашей таежной биоты можно сравнить с тропической природой Вьетнама. А стало быть, применяя интенсивную технологию в земледелии, мы сами себе объявили химическую войну.

Химия в сельском хозяйстве — это коварное, но скрытое зло, ибо в процессе обработки полей не видны явных последствий, кроме порывевших березовых опушек полей. Зато последствия эти вскрываются позднее, когда человек употребляет с пищей и водой ртутные и нитратные препараты. Ведь ничего из того, что вносится на поля со средствами химии, не исчезает бесследно: либо эти вещества усваиваются растениями и попадают в организм человека с пищей, либо, смытая с полей в растворенном состоянии, попадают в ручьи, речки и подземные воды, и оттуда с питьевой водой или с животными, которые пьют эту воду, вновь попадают в человеческий организм.

Кстати сказать, там, на Западе, зорямя спохватились, особенно после нашумевших книг американских писателей «Безмолвная весна» и «Оскальпированная земля». Химические средства там применяются с основным приращивании пищевых продуктов, идущих на экспорт, в том числе, стало быть, и нам. Имеются отдельные продуктовые магазины: для продуктов, выращенных без средств химии, цены выше, а с применением оных — ниже. Убежден, что и у нас в стране не все едят продукты, одобренные химическими приправами. Но круг этих людей очень ограничен.

Можно еще много говорить об этом и выслушивать возражения со стороны химиков и мелиораторов, которые считают свои меры единственно эффективными в решении так называемой продовольственной программы.

Но ведь есть же пример, показанный народным академиком Терентием Семеновичем Мальцевым, который сумел путем правильной агротехники и рационального сочетания всех элементов ландшафта — поля, луга, леса, речки — избавить посевы продовольственных культур и от сорняков, и от вредных насекомых. Причем показал это на примере большого хозяйства.

Видимо, сильна еще бюрократическая рутина, которая тормозит внедрение всего нового, прогрессивного.

Можно подумать, что я начинаю уклоняться от основной темы. Напротив, я только подхожу к ней, ибо все, о чем я здесь пишу, является неотъемлемым компонентом таежной биоты, то есть единой экологической системы, вернее, сгустком многих экосистем, включая мир насекомых и микроорганизмов, а также всю инфраструктуру человеческого общества. А потому нельзя рассматривать последствия разрушения лесной экосистемы в отрыве от дисбаланса, вносимого человеком в агрофитоценозы и гидробиоценозы своей бездарной хозяйственной деятельностью.

Все взаимосвязано, даже, казалось бы, далеко отстоящие от этих нарушений социально-экономические условия жизни населения нашего края, его материальная и духовная культура. Ведь не потому человек стал безразличен ко всему окружающему миру, что он плохо воспитан или мало начитан, или более того — экологически неграмотен, а потому, что, видя бездушное, безразличное отношение к природе со стороны руководящего звена общества, он становится невоспитанным и экологически неграмотным, ибо эти элементы культуры противоречат его восприятию действительного мира.

Ниже я остановлюсь на тех неблагоприятных для нравственного начала человека последствиях, которые были вызваны разрушением памятников материальной культуры. Здесь скажу, что разрушение природных ландшафтов ведет к еще большему падению нравственности, так как памятники материальной культуры можно восстановить в течение жизни одного поколения людей, памятники же природы оказались утраченными на века, а многие из них — навсегда.

Произошла трагедия — живого человека оторвали от живой природы. Ведь до сих пор человек рассматривался вне природы, так как во всех научных, публицистических и политических документах речь идет не иначе как об охране окружающей среды. Иными словами, это означает, что есть человек, общество, а есть окружающая их среда. Между тем будто бы умышленно замалчивается тот факт, что именно Россия является родиной учения о биосфере, превратившегося впоследствии в учение о ноосфере, благодаря трудам великого русского ученого Владимира Ивановича Вернадского. Именно Вернадский гениально предсказал, что в лице человека природа должна приобрести абстрактное мышление и только органическое влечение человеческой мысли в биосферный процесс может спасти нашу планету от гибели. В свою очередь человек, став сознательной частью биосферы на основе синергетического, т. е. взаимно усиливающегося процесса слияния, станет не «царем природы», как это считалось до сегодняшнего дня, а приобретет силу механизма разумного управления биосферными процессами на основе глубокого познания закономерности этих процессов. Не вызывает сомнения тот факт, что природа создала человека для того, что-

бы познать себя. И если общество вовремя не одумается, то в обозримом будущем человечеству грозит неминуемая гибель.

Самой опасной тенденцией человеческого общества сейчас становится стремление к ускоренному воспроизводству материальных благ без учета компенсационных возможностей природы. Отсюда и озонные дыры в ионосфере, и прогрессирующий процесс утончения озоновой оболочки, и развитие энтропийных процессов, грозящих планете тепловой смертью, и кислотные дожди, уничтожающие целые лесные массивы.

Для всех становится очевидным факт опасности для человечества технологической слабости сверхдержавы, так как ее остальные технологии ведут к экологической катастрофе, к полному разрушению таежной биоты, к лишению человечества элементарных жизненно необходимых функций — пресной воды, чистого воздуха, пищи, не говоря уже об эстетическом удовлетворении природными ландшафтами.

У названных процессов нет государственных границ, а стало быть, предотвращение их является неотложной задачей всего человечества, для чего оно должно стремиться к отказу от государственного суверенитета, разоружению и формированию единого человеческого общества планеты Земля. Альтернативы этим процессам нет...

Сейчас в Костромском крае формируется новая структура лесов: на месте первобытных разновозрастных пихтаво-еловых и сосново-еловых лесов возникают производные березняки, осинники и сероольшанники, несущие в себе огромный потенциал естественного возобновления темнохвойных пород ели и пихты. От каждой последующей генерации лиственных древостоев, а на богатых почвах и в течение одного поколения лиственных пород, в составе березовых насаждений увеличивается примесь осины и снижается потенциал лесообразовательного процесса елово-пихтового элемента леса.

Намечается четкая тенденция к деградации хозяйственно ценных лесных массивов, что создает реальную угрозу перевода высокопродуктивных хвойных древостоев в низкопродуктивные олуговале гнилые осинники или в заболоченные пространства.

Некоторые лесоводы склонны считать, что в этом нет ничего страшного, что, дескать, после вырубki ели всегда вначале площадь заселяется березой и осиной, под пологом которых снова поселяется ель и постепенно вытесняет березу. Это опасное заблуждение. Так могло быть только тогда, когда вырубались небольшие площади и вырубki были охружены стенами хвойного леса, которые являлись постоянными и обильными обсеменителями вырубаемых площадей. Теперь же, когда хвойные массивы вырублены на огромных площадях и семечку упасть неоткуда, эти массивы обречены на полную деградацию.

Делались попытки компенсировать посткатастрофические явления концентрированных лесоповальных рубок массивов созданием искусственных лесов, но они привели к тому, что в землю зырыты миллиарды народных денег, а так называемые хвойные культуры частью погибли, а частью ушли под полог пионерных лиственных пород. Хотя в отчетах гремели победные рапорты — сколько вырубili лесов, столько и посадили. Не тут-то было! Природа нам жестоко мстит за каждую победу над собой.

В чем же причина такого варварского отношения к нашим лесным ресурсам, к природе в целом?

Причина кроется прежде всего в том, что леса наши лишь на бумаге являются всенародным достоянием. На самом деле по отношению к лесам продолжает вестись та же колониальная политика, о которой писал Е. Дюбюк, только во сто крат усиленная мощной ландшафтноразрушительной техникой и технологией лесосводки, при которой уничтожается все живое, даже почва.

В лесной промышленности более чем за полувековой период развития выработалось «колониальное» отношение к территориям, на которых были жестко закреплены ее лесосырьевые базы. Негативные последствия деятельности леспромпхозов очевидны для экономического и социального развития нашего края. Выведа из истощен-

ных сырьевых баз свои предприятия, они не оставляют после себя ни дорог, ни материально-технической базы, ни благоустроенного жилья, то есть ничего существенно-го ни из производственной, ни из социальной инфраструктуры. Зато, организуя на протяжении многих лет переход сельского населения из колхозов в леспромпхозы, они существенно подрывают сельское хозяйство края. Попытки как-то реанимировать деятельность лесной промышленности передачей ей в полное пользование лесных ресурсов не могут ни к чему привести. Делается это под благовидным предлогом — для создания комплексных предприятий. Но все это лишь уловки. На самом деле вся деятельность лесной промышленности направлена на оскудение родного края, во имя выполнения экспортных поставок круглого хвойного бревна.

В то же время рентабельность лесопромышленной деятельности самая низкая среди других отраслей народного хозяйства. Ну что такое шесть процентов рентабельности? Десять-пятнадцать копеек прибыли с одного гектара закрепленных за лесопромышленными предприятиями лесных площадей! Лесорубы вынуждены жить в убогих поселках, окруженных истерзанными рубками лесами, свалками гниющей древесины. Жилища их в большинстве своем мало отличаются от довоенных построек барачного типа. На улицах грязь, развороченная гусеницами тракторов. Единственный социально-экономический стимул у кадровых рабочих леспромпхозов состоит оказывает в том, чтобы отработать двенадцатилетний стаж и в пятьдесят пять лет выйти на пенсию. Вся заработанная ими прибыль на заготовках леса сгорает в жадном жерле печи так называемого народного хозяйства. Рабочим же не остается ничего от трудов своих, кроме жалкого заработка да перспективны уйти на пенсию, пока не иссякнут окончательно жизненные силы.

Под прессом лесопромышленного молоха гибнут и разрушаются не только леса и обусловленные ими все ландшафтнообразующие функции, гибнет и обезлюдняется край, названный пошлым словом «Нечерноземье».

Если во времена цитированного выше Е. Дюбюка плотность населения составляла в Кологривском уезде 11,3, а в Нерехтском — 47,6 человек на одну квадратную версту, то в 1979 г. она соответственно снизилась до 4,2—15,9 человек на квадратный километр, или в три раза.

По переписи населения в 1936 г. на территории Костромской области только сельского населения насчитывалось 1,3 млн. человек, а по переписи 1989 г. на селе живет всего 254,4 тыс. человек, то есть почти в 4,5 раза меньше. Только за десять лет, прошедших со дня переписи населения в 1979 г., убыль сельского населения составила 56 тыс. человек, и процесс этот продолжает идти в том же направлении и теми же темпами. Такой темп убыли населения на территории Костромского края можно сравнить разве что с последствиями геноцида в Кампучии.

Таким образом процесс деградации таежной биоты Костромского края, начатый в период дореволюционной колонизации и усугубленный во времена сталинских репрессий, когда начальники райотделов НКВД соревновались между собой по выявлению и уничтожению врагов народа, можно считать завершившимся.

Удручающую картину представляют собой древнерусские города Костромского края — Галич, Судиславль, Солигалич, Кологрив, Чухлома, Макарьев, которые ранее были центрами становления русской цивилизации. На сегодняшний день в них пришли в запустение остатки прошлой материальной культуры — церкви, храмы, соборы и монастыри, которые либо брошены, либо превращены в склады, мастерские и другие подсобные помещения, и даже увеселительные учреждения — клубы, кинотеатры.

Разрушение культурного наследия отрицательно влияет на нравственные устои общества и государства. Созданные еще земством очаги культуры и науки — сельскохозяйственные и педагогические училища, школы и больницы — жеуклонно угасают. Гибнет цивилизация. Жилищный фонд упоминаемых выше городов одряхлел и обречен на полное обветшание и разрушение. На фоне

ПИСЬМА С. В. МАКСИМОВА К А. В. СТАРЧЕВСКОМУ

{Подготовка текста, вступительная статья
и комментарий А. Павлова}

этого убожества респектабельно выглядят лишь учреждения, олицетворяющие собой командно-административную систему. Аналогичная картина, впрочем, наблюдается во всех провинциальных городах России.

Еще трагичнее выглядят русские деревни. В большинстве своем они брошены, а во многих доживают свой век убогие старики и старухи, тоже брошенные на произвол судьбы. Усадьбы и пахотные угодья зарастают лесом. В то же время не прекращается бурная деятельность мелиораторов, получающих по существу нетрудовые доходы. В области в истекшей пятилетке ими осушено заболоченных земель столько же, сколько брошено плодородных пашен в глубинных районах. Строительство вдоль асфальтированных автомагистралей потемкинских деревень, из мало приспособленных для сельской жизни, но зато помпезно разукрашенных домов, а также новых деревень на брошенных землях, подрывают веру в улучшение жизни на селе. Само дорожное строительство в России превратилось в национальную проблему и требует многомиллиардных затрат.

Истерзанные лесоповальными рубками леса, брошенные лесные и сельские поселки, зарастающие чапыжником поля и усадьбы, загаженные утопшей древесиной, стоками с ферм и полей, промышленными сбросами обезрыбленные реки края с негодной для питья водой — вот далеко не полный перечень симптомов необратимого процесса разрушения таежной биоты.

Основные отрасли, которые могут возродить угасающую жизнь сельской цивилизации и спасти от гибели таежную биоту, — это лесное и сельское хозяйство. Только коренная перестройка управления лесными и земельными ресурсами позволит предотвратить прогрессирующее разрушение таежной биоты, а следовательно и сельскохозяйственного производства на этих территориях.

В чем же выход? Выход в том, чтобы в корне изменить систему рубок в наших лесах. Нужно вовсе исключить сплошнолесосечную систему рубок на базе ландшафтноразрушительного комплекта лесосечно-транспортных машин. Новое поколение лесосечно-транспортных машин необходимо создать на базе ландшафтнотехнических систем.

Только внедрение в лесосечный процесс нового поколения лесосечно-транспортных машин на ландшафтнотехнических движителях позволит уберечь от прогрессирующего разрушения таежную биоту, возродить сельскую цивилизацию и предотвратить кризисные явления.

А самое главное — надо наконец дать человеку возможность свободно трудиться на лесной и земельной ниве. Пора вернуть живого человека к живой природе. Необходимо вернуть человеку право быть хозяином на земле, а не пытаться воспитать в нем пошлое «чувство хозяина». Другой альтернативы нет.

Но все сказанное о вероятной гибели биоты нашего края бледнеет по сравнению с тем роком, который навис над нами в виде бурно строящейся Костромской АЭС. Причем строительство начато и ведется без проведения предварительной экологической экспертизы. Чем чреватые последствия работы АЭС — известно каждому. Но наша общественность, в отличие от соседней Ярославцев и вологжан, до сих пор дремлет. Видимо, настало время консолидировать с ними наши усилия и заявить решительный протест против строительства АЭС.

Остается сказать, что если предпринять хотя бы попытки спасения таежной биоты, то это могло бы стать начальным этапом предотвращения грядущей экологической катастрофы и напрямую связанного с ней экономического кризиса, так как с исчезновением хвойных строевых лесов резко ухудшится экологическая ситуация и возникнет необходимость в импорте хвойных лесоматериалов, как пришла наша страна к импорту зерна и других продуктов питания.

Настала пора оглянуться на свой дом, как пишет крупный ученый и публицист Фатей Шилунов в своей недавно вышедшей в свет одноименной книге «Оглянись на дом свой». Давно настала.

Чтобы выразить в двух словах свою боль, скажу: «За державу обидно».

«В мае 1855 я оставял Петербург для некоторых уездов Владимирской губернии, населенных теми промышленниками, которые в разных местах России носят разные названия. В большей части случаев они известны под общим прозванием офеней, ходебщиков, коробейщиков, разносчиков...»¹ Так писал С. В. Максимов в 1860 году в очерке «В дороге» о своем первом путешествии по нечерноземным губерниям центральной России. Начав в Владимирской, молодой литератор побывал в Нижегородской, Вятской и Костромской губерниях. Результатом этого путешествия стал ряд очерков из народного быта, собранных в 1871 году в сборник «Лесная глушь». «Это был один из первых опытов прямого изучения народного быта», — писал академик А. Н. Пыпин, называя очерки С. В. Максимова «новой полосой литературных интересов» русского общества накануне освобождения крестьян.

Материальную и моральную поддержку в путешествии оказал Максиму неофициальный редактор журнала «Библиотека для чтения» А. В. Старчевский, который за год с небольшим до того напечатал первый очерк начинающего литератора. Зависимость от благодетельствовавшего, но прижимистого редактора чувствуется и в письмах. Максимов возлагал большие надежды на Старчевского, особенно когда тот задумал издавать журнал «Сын Отечества», поэтому и во время второго «литературного путешествия» к побережью Северного Ледовитого океана он поддерживал с ним тесную связь. Мы видим в письмах положительные отзывы о первых номерах этого журнала. Но к 60-м годам пути их расходятся. Демократические настроения покинули педантичного и скуповатого Старчевского, а Максимов стал тесно сотрудничать с «Отечественными записками», которые вскоре возглавили Н. А. Некрасов и М. Е. Салтыков-Щедрин.

Письма С. В. Максимова к А. В. Старчевскому имеют разные отправные географические пункты. Первое послано во время первого путешествия из Вятской губернии, три следующих — из Архангельска. Они имеют отношение ко второму путешествию, которое совершалось уже по заданию морского министерства. За ними идут две записки, из которых особенно интересная вторая, позволяющая предположить, что С. В. Максимов и Л. А. Мей какое-то время выполняли функции рецензентов в журнале А. В. Старчевского «Сын Отечества». Интересны и суждения Максимова по поводу ранних литературных опытов Н. Успенского, никому тогда не известного студента Медико-хирургической академии, где недавно обучался и сам Максимов. Может быть, именно он стал «крестным отцом» будущего известного писателя, поддержав положительным отзывом, так как именно рассказы «Старуха» и «Крестины», напечатанные в 1857 году на страницах «Сын Отечества», считаются началом литературной карьеры Н. Успенского.

В целом письма к А. В. Старчевскому имеют ряд любопытных сведений об интересах начинающего писателя, его взглядах на журналистику середины 50-х годов XIX века, характеризуют культурную жизнь российской окраины.

И Р Л И

Ф. 583
оп. № 498

Арх. Старчевского А. В.
Из собрания Дашкова П. Я.

1.

Милостивейший государь,
добрейший и многоуважаемый
Альберт Викентьевич!

Если можно иногда чувствовать сильную благодарность и не уметь высказаться, то едва ли не то же самое и со мною теперь, когда я взялся за перо, чтобы уве-

речь Вас в своей преданности и благодарности за то, что наконец вижу родную семью сестры, чем решительно обязан Вам и доброму Вячеславу Петровичу². Вместе с Вашим отправляю письмо и к нему и опять с доукой³, вынужденной и неизбежной; дорога так далека и дорога, что чуть-чуть дотащился, если принять в расчет все разъезды далеко в сторону от торного пути, по проселкам и закоулкам. Целый месяц возился я с вязниковцами (офенями⁴ и богомазами), пока добрался до бурлаков и видел миряка — мужчину-кликушу⁵, который зевал на базаре в селе Пурех⁶.

В Нижнем не успел познакомиться с Далем⁷, но получил приглашение в обратном пути, когда надеюсь увидеть и ярмарку⁸ в полном разгаре. Хотелось бы говорить Вам о многом, но боюсь наскучить Вам в ту пору, помните, когда Вам дорога каждая минута, особенно если Вы уже приступили к исполнению задуманного предприятия⁹. Пусть лучше литературная работа убедит Вас в том, что я не даром забрался в глушь и не даром воспользовался Вашим доверием, потому что все-таки посылить постараюсь оправдать его.

Примите же, добрый и многоуважаемый Альберт Викентьевич, мою душевную благодарность за Вашу хлеб-соль и родственное участие в моей судьбе и занятиях, если не надоело Вам мси докучливые просьбы, то и теперь я вполне уверен в Вашей доброте и позволяю себе смелость прибегнуть к Вашему посредству в деле пособия к окончанию моих страстей. В Нижнем думаю прожить недели две, и как бы кстати получить там на обратный путь те 50—60 рублей, о которых покорнейше прошу Вячеслава Петровича, надеясь на его доброту и Ваше посредство. Теперь отдыхают у сестры в радушном кругу ее небольшой семьи, где все родное и задушевное так хорошо и привлекательно.

Что наша «Библиотека»? Июньскую книжку бегал смотреть в Москве у Батунова, а здесь хотя трое-четверо выписывают, но не видел еще. Брат выписывает «Отечествен. зап.» и «Спб. Вед.», меняясь на остальные журналы для прочтения. Если нужна моя статья, то поспеши выслать «Миряка», а то позвольте уж лучше отложить до приезда, когда все уложится и перевезется, а теперь всего много в запасе, но кучей и беспорядком. Воспоминаниями, по-моему, жить лучше и свежее.

Позвольте попросить Вас передать мое нижайшее почтение Марье Ивановне¹⁰. Друга¹¹ целую по-приятельски, хотя и издалека, но с прежним расположением.

Свидетельствую Вам, многоуважаемый Альберт Викентьевич, свое искреннее почтение и совершенную преданность, остаюсь всегда покорным слугою Вашим

Сергей Максимов.

10 июля 1855, Слободской.

Простите за несвязность письма: все мысли как-то собираются с трудом, и не найдешь разговора, за что ухватиться, а вместе с тем боязнь наскучить Вам излишнею болтовнею.

2.

16 апреля 1856. Архангельск.

Примите, добрейший и многоуважаемый мною Альберт Викентьевич, мое душевное поздравление с Светлым праздником, а главное с окончательным правом на издание «Сына», публикацию о котором я с особенным удовольствием прочел недавно в одном из номеров «Пчелы». Дай Вам Бог возможных успехов за Вашу добрую душу и всегдашнюю искренность. Если и мои посланные труды пригодятся тут, то я всегдашний слуга и буду готовиться. Теперь же могу Вам сказать только одно, что мне удалось отыскать рукопись об Азовском Сидежьи¹², но, к несчастью, без начала и конца, если она еще не опубликована читающей публике, то прямо ей место в Вашем журнале. Подробные сведения об этой рукописи я посылаю к В. П. Печаткину вместе с окончиваемой моей повестушкой «Кулачок» (сельский учитель)¹³, которой убедительнейше прошу Вас уделить местечко в июньской книжке, к выходу которой она поспевает. Я отсылаю посылку на будущей неделе. Статья невелика, более всех моих прежних (думаю, выйдет листа четыре), если не окарнает цензор; писая с развязанными руками, в особенном ударе и поэтому

статья отчего-то особенно больше других моих нравится мне самому. Пойдите за нее перед цензором, не уступайте слишком; все так просто и искренно, что самому подозрительному взгляду покажется вероятным и дозволенным. Но ведь на вкус мастера нет, а Ваше посредство тут много поможет и порадует авторское сердце, тем более, что статья почему-то начинает пользоваться моим полным сочувствием.

Архангельское поручение¹⁴ начал тем, что прочел все, писаное до меня о губернии, и теперь сижу и жду, когда вскроется Двина, чтобы на первой же ладье отправиться в Соловецкий монастырь и дальше по берегу моря; сижу и скачу, не видя никакого исхода, несмотря на множество знакомств и характерных развлечений вроде балов, визитов, обедов, к дому привязывает чтение и потом отделка рассказа, который быстро двигаю к концу. И что тогда делать, когда кончу? — не знаю!

Примите еще раз мою искреннюю душевную благодарность за Ваше расположение ко мне, которое я умею ценить и постараюсь всеми средствами и силами быть благодарным. Я всегдашний Ваш плательщик и готов гордиться тем, что меня (не более ли даже всех) обрадовало печатное известие о том, что задуманные Вами планы пришли к благополучному, вожделенному концу. Теперь труды и усилия с Вашей стороны — и оплата за Ваше радушие, и готовность со стороны Ваших прежних сотрудников. Дай Бог, чтобы не скупились они и были благодарны! Остается желать возможно блистательного успеха новому журналу и подкрепления Вашему трудолюбию и постоянству в новых тяжелых и скучных трудах и работах. Это единственное мое желание и, говорю как честный человек, искреннее и нелицемерное.

Трудное наступающее лето и осень найдут меня в странствиях и перекочевках и отнимут решительно все свободное время, с которым придется сладить и примириться только, может быть, в глухую зиму и ее длинные вечера. Все же по планам не думаю вернуться за Петербург раньше двух лет. Охота и при ней нетерпение страшное, так бы и летел скорее вон из скучного немецкого Архангельска в Самоедскую Мезень и Лопарскую Кандакшшу. Здесь даны мне всевозможные пособия сверх даже ожидания, всюду ласка и предупредительность, у меня даже в руках уголовные дела по делам промышленников-поморов и весьма редкое сочинение о губернии <нрзб.>, поднесенное императору Александру I. Пока буду рыться в архивах, а Двина пусть распускается и гонит лед, очищая дорогу в море. Впрочем, надежда плохая, не скоро откроется путь: холода упорны. Снег по колено до сих пор, бывают и дожди (редко), и валит снег, и крутые, свирепые утренники. А между тем тоска и скука, а не болеть и сидеть сложа руки... но довольно об этом. Не желая надоедать Вам своей болтовней дальше, чтоб не отвлекать от занятий, спешу сказать Вам заветное и заочное: «Христос воскрес!» — и пожелать Вам всего наилучшего, полного успеха и счастья. Остаюсь всегда покорным и преданным слугою Вашим

Сергей Максимов.

Супруге Вашей свидетельствую мое глубочайшее почтение, милого друга Фрейденку крепко целую как истинный его друг и доброжелатель.

С Вашим письмом посылаю письмо и к Вячеславу Петровичу.

Посылка с рассказом, думаю, придет в самых первых числах мая, потому что отправляю ее на будущей (Фоминской)¹⁵ неделе в среду.

3

27 апреля 1856. Архангельск.

Нарочно поспешил отослать третьего дня конченный рассказ свой «Кулачок», чтобы мог он попасть в июньскую книжку при Вашем добром посредстве, добрейший и многоуважаемый Альберт Викентьевич! Опять спешу повторить Вам свои убедительные и покорнейшие просьбы: отстаивайте его перед цензором, прикажите <нрзб.> читать корректуры и по отделке окончательной отпечатать хоть двадцать отдельных оттисков,

которые, надеюсь, Вячеслав Петрович перешлет ко мне. Обратите внимание, добрейший Альберт Викентьевич, на мои просьбы, даю им важный смысл потому особенно, что новый рассказ свой, по внутреннему убеждению, считаю удавшимся лучше других. Увидеть его не в том виде, как бы хотелось — понести оскорбление в самое сердце, в Архангельске делаешься еще более капризным и еще сильнее поддаешься возможным сомнениям. Не обидьте меня, я всегда покорный и искренний пла- тельщик за все Ваши одолжения. Вместе с рукописью от Вячеслава же Петровича получите Вы лист обещанного изложения содержания найденной мною рукописи об Азовском Сидении; если Вы найдете ее имеющую значение, я перешлю Вам оригинал, даже половины которого не списал я в кратком изложении своем. По мне, кажется, ей прямое место где-нибудь в одном из прелестных отделов Вашего журнала, появление некоторых номеров которого меня окончательно и искренно пор- довало. Душевно желаю Вам всех успехов! но вот бе- да! — я до сих пор не видел ни одного номера, не- смотря на полное нетерпеливое мое желание. Очень бы хотелось познакомиться и с статьями, и с напеча- танным нозорожденным, тем более, что, с Вашего по- зволения, придется и мне положить на зубок посильную порушку. Запишите, Бога ради, в число Ваших подпис- чиков и прикажите высылать на мое имя в Архангельск по адресу через канцелярию г. Военного генерал-гу- бернатора. Надеюсь, что Вы не откажете моей покор- нейшей просьбе, и чем скорее, тем лучше и приятнее, и дадите таким образом возможность разгонять тоску, которая начинает мучить меня здесь, и приятно и полез- но коротать бездну свободного времени. А между тем напоминание постоянно на глазах, дает мне возмож- ность задавить лень и приняться за работу для Вас и Вашего журнала. Не забудьте же, бога ради, Альберт Викентьевич! моей покорнейшей просьбы. Здесь так все вяло, мертво и однообразно, что решительно не знаешь, за что приняться и куда сунуться, даже работа едва подвинулась к концу, бежит прочь и пропадает всякая энергия. Скверная погода давит физический, скуч- ные люди тяготят морально. Вот какое состояние духа! вот какой результат моих нетерпеливых стремлений на Север! Ехать нельзя будет еще целый месяц (думаю, до отъезда еще успею познакомиться с Вашим журна- лом, во всяком случае он найдет меня, так распорядил- ся сам адмирал). Брожу я и по балам, и по обедам, и по вечерам, да толку мало: кругом все свиные рыла, по выражению гоголевского городничего. Не желая, впро- чем, надоедать Вам больше своей болтовней и отвле- кать Вас от спешных занятий (которые, думаю, теперь особенно трудны для Вас), прошу только внимания Ва- шего и того расположения, которое я привык ценить и перед которым до сих пор в страшном долгу. Ни откуда нет писем, а сам послал больше десятка! — и еще больше тоска и сомнение! Предыдущее письмо к Вам я отправил по Вашему адресу на Петербургскую сторо- ну на первый день Пасхи, получили ли Вы его?

Желаю душевно всего Вам хорошего, прошу Вас пе- редать мое глубокое почтение супруге Вашей, Марье Ивановне, а друга своего Фрейденку опять крепко целую.

Затем остаюсь асегда готовым к услугам, преданным и покорным слугою Вашим.

С. Максимов.

Р. S. Странное и непонятно дело: здесь домах в ше- сти-семи мне удалось видеть глупейший и нелепейший с виду и по внутреннему достоинству «Журнал общепол- езных сведений»¹⁶. Вот Вам еще любопытное данное для заключений и соображений о нашей читающей и подписывающейся публике! Из газет предпочитают «Пче- лу», из литературных журналов — «Отечественные за- писки» и «Современник». Публичная библиотека выпис- ывает все газеты и журналы, но достать их почти не- возможно. «Морской сборник» тоже в ужасном ходу, и вижу едва ли не у всех, особенно военных. Журналами пользуюсь от адмирала — Военного генерал-губерна- тора.

Не позабудьте, пожалуйста, добрейший Альберт Ви- кентьевич! сохранить этот оригинал моей позестушки до удобного случая к отсылке ко мне — единственный, по обыкновению. Я тоже сберегаю теперь и оригиналы как три-четыре оттиска, думаю, пригодятся после.

4

4 ноября 1856, Архангельск.

На днях полученное мною письмо Ваше, добрейший и многоуважаемый Альберт Викентьевич! тем еще при- ятнее и дороже, что дает мне возможность ответить Вам тотчас же. Послезавтра я навсегда оставляю пре- словутый Архангельск и еду на Печору. Теперь что на- зывается перевозю дух и отдыхаю после поездки в Мезень по адски мучительной дороге. Обязательно и по- всегдашнему искреннее письмо Ваше обрадовало меня едва ли не больше всех писем, когда-либо полу- ченных мною в это время из Петербурга. Многие строчки письма Вашего, прочитанные мною с живейшим любопытством и нетерпеливостью, поучая меня во многом и растрогавши всегда чуткие струны самолюбия, себялюбия (назовите, как хотите), являясь новым доказательством всегдашнего внимания Вашего ко мне, которое я так давно привык ценить и понимать. Если я Вам нужен в чем-либо и когда-нибудь, то для Вас я готовнее, чем для кого-нибудь другого и особенно с этих пор готов служить Вам посильно, старательно и честно. Если бы не беспрестанные поездки, сопряжен- ные с огромными препятствиями и неудобствами, я бы готов даже в настоящую пору делиться своими заседа- ниями. Но вверенное мне и исполняемое поручение поглощает всю мою деятельность, ввязаться за посторон- нее считаю себя не в праве, да это и вне всякой воз- можности. Теперь более, чем когда-либо прежде, считаю себя вправе сказать, что мне некогда, у меня нет времени, я занят, и опять-таки без хвастовства и чван- ства — занят по горло. Вот почему я решился не печат- ывать ничего до окончания поездки, чтобы не возбуждать ни подозрений, ни сомнений, ни сплетен, на которые так падко всякого рода и вида челоюзество. Тогда, если позволите, я Ваш постоянный и обязательный сот- рудник, пожалуй даже на правах Тургенева, Толстого и «Современника»¹⁷. Передать Вам есть многое. Раздоби- вавши свои исследования на три отдела, один из них я исключительно посвятил собиранию исторических ма- териалов в виде сказаний, былин, грамот и теперь сча- стлив тем, что могу вешать их на фунты и даже пуды, и в этой массе особенно радует много таких, которые до сих пор не опубликованы, напр., «Сказание о заповре Соловецкого монастыря», жития старообрядских свя- тых, описанные историческим Андреем Денисовым¹⁸, десятка полтора исторических анекдотов, сведения об Артамоне Матвееве¹⁹, Ломоносове, любимце Софьи Голлицине, Иоанне Антоновиче, Петре Великом, Хмель- ником и Филимонове²⁰. (Последнее имя, хотя и не блистательное в литературе, здесь оно имеет значение по отношению к весьма замечательным комическим со- бытиям доброго старого времени). Если прибавить к тому 10 случаев и встреч в форме маленьких рассказов, думаю, составит из этого нечто целое, что можно напечатать и прочитавши не прибранить автора. Вот все о себе (по Вашему приглашению) и больше сказать решительно нечего. Министерство, наконец, сжалилось и выслало деньги, хотя и не в таком количестве, как я просил об этом.

Теперь несколько строк о «Сыне», тем более, что мне давно хотелось поговорить с Вами об этом; обязатель- ный подарок Ваш дал мне возможность проследить за ним до последнего полученного мною номера. Здесь он понравился, и я обещаю Вам челоюзек десять под- писчиков, но в тех уездных городах, где почта получа- ется один раз в неделю (а таких бездна), «Сын Отечест- ва» не оценит и блистательно может заменить все газеты.

Не слишком ли Вы щедры на литературный отдел? За 4 целковых этого ужасно много; одного господина я чуть не поколотил за то, что удалось слышать от него пренелепое мнение: надо де помещать позести, и от чего де не провести в журнале уже установленным ор-

разец, принятый всеми другими литературными журналами. Как видите, мнение похоже на то, что не мешало бы еще прибавить цены, а таких дураков непроходимых много. Отдел провинциальной хроники ведется отлично, жаль, что скудные материалы, это, однако, не помешало одному старичку навеюно заметить: «Вот, стало быть, я, крме иностранных, и свои, отечественные известия знаю». А отдел литературный все-таки богат излишне, и если это только на первых годах знакомства журнала с публикой, то это, кажется, неизбежная жертва с Вашей стороны и, во всяком случае, щедрость. Обзоры журналов, новых книг и иностранных ученых новостей не требуют голословных похвал, они гозорят сами за себя. Фельетоны Селжковского²¹ не понравились и, иногда возбуждая интерес и удивление к его многосторонним сведениям, не производят общего впечатления, как он воображает. А толки о русской промышленности по поводу табачных лавок, фортепьян и обоив заподозрили его в участии в подобных предприятиях без моих объяснений.

Но вот что странно: толки о театрах здесь возбуждают интерес, и Мольтер в этом случае выигрывает много. Переводы нашего джентльмена, русского Беранже²², списываются и выучиваются наизусть. Фельетоны Серова²³ — глас вопиющего в пустыне. И если здесь еще и играют на фортепьяно, то такие пьесы, от которых тошно, наедаются такими песнями, которые набили оскомину и от которых дазно-дазно вянут уши, как напр. «Вот на пути село большое...», «Цыган-молодец» и проч. Я как-то сдурю напел своим силпым козелком «Ворона» одному регенту, эту лет 30 брошенную песню, регент положил на ноты, и вот уж по возвращению из Мезени слышу ее во многих домах; песенка возродила сочувствие и произвела итог.

Яновского читают с интересом, а несколько учечых статей Знаменского²⁴, Яковлева²⁵ и друг. понравились ученому сословию гимназии. Отчего бы Вам в последовательной связи не излагать иностранную хронику? неужели это слишком дорого? или на это нет у Вас разрешения? Иностранные известия от этого выиграли бы, а подобие в «Вестнике русском» здесь замечено и возбудило живое сочувствие. Говоря о «Сыне» и желая ему от души всевозможных успехов и постоянного совершенствования, прошу Вас пересылать его уже в Петрозаводск, Н. А. Потехина²⁶ попросите написать его брату, пусть тот получает и читает до меня.

В Петрозаводске думаю быть непременно в феврале, если только выдержу и не проскочу недели на две в Питер, тогда надеюсь побеседовать с Вами подольше и пообстоятельнее, теперь же для подобной оказии не нахожусь, да и боюсь утомить Вас длинной болтовней: по-прежнему дорожу Вашим редким досугом и ценю Ваши свободные минуты. Истинное и душевное мое жеканное обоими издателями «Современника» предлоначатом, что даже Краевский²⁷ и Зотов²⁸ отдадут Вам свою долю сочувствия. А уже и этого, по-моему, много для начинающегося издания.

Сплетни Некрасова дошли до меня дазно, гнев его по поводу офеней²⁹, но для меня честное слово прежде всего. При этом вспоминались мне несколько раз высказанные обоими издателями «Современника» предложения участвовать только у них и под их защитой, и я лавировал, отговаривался, сколько мог, как бы предчувствуя возможность обязательного соглашения со всею его подленькою, необдуманно бессмыслицею и не литературным, а лавочным направлением³⁰.

Потрудитесь, добрый Альберт Викентьевич, свидетельствовать мое глубочайшее почтение Марье Ивановне и благодарность за память. Друга Фрейдю крепко целую и душевно радуюсь за его успехи: он, видимо, ушел далеко, и собственноручное свидетельство его об еттой³¹ грамотности порадовало его архангельского друга, думаю, более всех, кто знает об этом. Во всяком случае он может быть уверен и даже написать его в прописях, что искреннюю дружбу не изменяют и не ослабляют ни расстояния, ни суровости климата, а разлука еще больше усиливает и развивает оную. В доказательство в этом при первом появлении в Питере

явлюсь к нему с самоедским костюмом, как подарком с далекой и холодной-пустынной Печоры.

Желая Вам, добрейший Альберт Викентьевич, от искренне преданного сердца всего хорошего, еще раз благодарю Вас душевно за Вашу память и доброе расположение ко мне. Будьте же навсегда уверены в искренности чувств и душевного расположения во всегда преданном и уважающем Вас Максимове С.

P. S. Соберется у Вас наша добрая семья общих знакомых³², киньте им словечко обо мне в доказательство того, что я помню их, люблю еще больше прежнего и по русскому обычаю доземно кланяюсь.

5.

3 августа 1857. Парфентьев.

Вот уже ровно неделя, как я в своих родных палестинах, мой добрый и многоуважаемый Альберт Викентьевич, покоен духом и телом, как говорится, настолько, что могу находить и свободное время для работ своих, от которых мне и спасение и насыщенный кусок хлеба. Предполагал пробыть здесь долее месяца, но нашел старшего брата³³ в таком положении, когда ему надо науки и науки, а сентябрь на носу, необходимый и главный месяц, как начало учебного года. На этом основании немедля беру его с собой и везу в Петербург в том предположении, чтобы отдать его до корпуса в один из пансионов. Обстоятельство, побуждающее меня сильно и много работать, так сильно, что вот уже написал начало нового рассказа «Мироед», предназначенного в Ваш журнал. По окончании его тотчас же принимаюсь за Нежить³⁴, из которой два: «Кликуша» и «Домовой» восстают в воображении как живые. Во всяком случае обязательности Вашей, всегда дорогой и спасительной для меня, надеюсь дать скорые и посильные отплаты. Не оставьте, Бога ради, расположением и всегдашнюю искренностью Вашею меня, всегдашнего посильно честного и готового сотрудника Вашего и теперь в самую нужную, критическую пору моих странствий. Я не умел высказывать свои нужды лично, совестлив настолько, чтобы навязывать их в письмах, но верьте совести, тягочусь настоящим своим положением, тем более, что давно заработанные деньги в «Морском сборнике» как казенные могу получить только по приезду в Петербург. Помогите сотней рублей, добрейший Альберт Викентьевич, которая только-только способна придвинуть меня в столицу для работы и для будущего моего, которое все-таки так грустно и кисло улыбается, что только и отдыхаешь в семье родной и семье родной. Сами знаете, Альберт Викентьевич, я не люблю оставаться в долгу и, прося у Вас самого нужного и необходимого для себя, боюсь стеснить Вас и отяготить. Только личное Ваше обещание искупать меня из беды дает мне смелость олять потревожить Вас. Раз обязавшись, даю себе слово быть столько же постоянным и готовым работником при Вас и для Вас в «Сыне Отечества», каким был для Вас и в «Библиотеке для чтения». Безутешное состояние семьи, необходимость скоро выбираться отсюда, брат, в котором вижу все свое душевное спокойствие, а в устройстве судьбы его и свое горемычное счастье, становятся меня к Вам в положение всегдашнего и по гроб готового работника. Помогите, ради Бога, многоуважаемый Альберт Викентьевич, и чем скорее, тем лучше — развяжите руки. Генкель³⁵ 50-ю рублями отравляет половину семейного покоя и счастья, а избалованный Вами, я уже боюсь и бегу от всех оскорблений, хотя, может быть, и к худшему для себя. Во имя того же не хочу вести дел ни с «Современником», ни с Краевским, и даже с «Библиотекой», веду их только до «Офеней».

Адрес мой прост: в Парфентьев Костр. губ. И мое имя, знакомое Вам, но истинно честное имя.

Доброго друга Фрейдю целую и обещаю уже наверное подружить и познакомить с братом своим, которому уже натолковал об умном и любезном петербургском друге. Марье Ивановне мой нижайший поклон.

Примите уверение, добрейший Альберт Викентьевич, в искренности моего расположения и готовности слу-

жить Вам насколько позаволит это уметь и силы всегда искренно и душевно узажающему Вас

С. Максимова.

Р. С. Нелзя ли, добрейший Альберт Викентьевич, силою Вашего посредства и влияния подействовать на неподатливое сердце Генкеля и побудить его прислать мне долг, из которого 25 руб. принадлежит бедной семье бедного моего сокашника, да и мне денег надо много, и скоро надо. Сделайте великое одолжение!

6.

б/д

Обращаюсь к Вам, Добрейший и Многоузажаемый Альберт Викентьевич, с моею покорнейшею просьбою принять и выслушать воспитанника Казанского университета болгарина Дмитрия Милетича Михайловича, который едет на родину, где заведет библиотеку и где будет крепко нуждаться в книгах для народа. И. М. Геденов³⁵ и многие другие помогли ему в этом деле. К Вам, как к любителю и знатоку Славящины, он, Михайлович, по моему подказу едет с полною уверенностью на помощь и содействие. Он желал бы иметь справочный словарь и «Сын Отечества», но приобрести их куплей не может столько же и потому, что на проезд туда нуждается в помощи, сколько и по той причине, что книжные тяжести требуют от него и лишнего денег, и лишнего хлопот. В личном мое одолжение сделайте полезное дело, Добрейший Альберт Викентьевич, и з имя Славящины помогите на этот раз тому, [кто] сумеет из Вашего доброго дела сделать еще одно и такое же.

С нижайшим моим почтением остаюсь всегда

Вашим
покорным слугою
С. Максимов.

7.

б/д

Я прочел оба, взятые у Вас, добрейший Альберт Викентьевич, рассказы, но по мне «Старуха» очень растянута, начало почти совсем лишнее и вовсе не вяжется с дальнейшим рассказом старухи, в котором есть драма, но плохо развитая. «Крестины» лучше, потому что коротче, и если уж Вы приняли твердое намерение печатать все это, то лучше — по мне — пустить вперед «Крестины», а то «Старуха» может бросить тень на литературные достоинства, которые нетрудно отыскать в некоторых местах обоих рассказов. Стихи читал Мей³⁷ и, находя их очень хорошими и безобидными, изъявил желание прочесть их в корректуре. Чем же может [обидеть] добрейший и честнейший как человек и писатель Бенедиктов³⁸? Желая всего наилучшего для Вашего журнала, остаюсь всегда готовый и искренний

С. Максимов.

КОММЕНТАРИИ

1. Все подчеркивания в тексте сделаны С. В. Максимовым.
2. Печаткин Вячеслав Петрович (1819—1898) — сын известного бумажного фабриканта, с 1856 по 1863 г. — издатель журнала «Библиотека для чтения».
3. Докука — «просьба, ходатайство, хлопоты просителя». (Даль В. И. Толковый словарь).
4. Максимов говорит о жителях Вязниковского уезда Владимирской губернии. См. об этом подробнее в очерке «В дороге», напечатанном в августе 1860 г. в ж. «Отечественные записки». Офеня — бродячий торговец, продававший по деревням мануфактуру, галантерею и другие необходимые крестьянину товары.
5. Миряк — диалектное слово Владимирской губернии, которым называли больных, «одержимых родом падухей» (Даль В. И.). Кликуча — то же самое.
6. В книге «Нечистая сила. Неведомая сила» в очерке «Кликуча» С. В. Максимов писал: «В деревенской Руси чрезвычайно распространен особый вид нервных женских болезней, известных под именем «кликучества» (Максимов С. В. Собр. соч. — Т. 18, СПб., 1912. — С. 160).
7. Большое село Нижегородской губернии, пожалованное Дмитрию Пожарскому за освобождение Москвы.
8. Даль Владимир Иванович (1801—1872) — писатель, автор рассказов из народного быта и «Толкового словаря живого Великорусского языка». Максимовым был составлен полный перечень публикаций Даля и подробная биография писателя, на основе которой подготовлена статья в «Справочный энциклопедический словарь» А. В. Старчевского.
9. Имеется в виду знаменитая Нижегородская ярмарка. В 1822—1864 гг. проходила с 15 июля по 15 августа. С 1864 г. стала официально закрываться 25 августа.
10. А. В. Старчевский задумал издавать журнал «Сын Отечества».
11. Жена А. В. Старчевского.
12. Сын Старчевского Альфред.
13. Неудачный поход русских войск под командой В. В. Голицына (1643—1714), совершенный с целью покорения Крыма.
14. Очерк под таким заглавием опубликован в «Библиотеке для чтения», 1856 г., т. 138. Позднее получил название «Питершик (Полождения Кулачка)», с которым вошел в книгу очерков «Лесная глушь» (СПб., 1871).
15. Поездка в Архангельск была поручением морского министерства.
16. Вторая неделя после Пасхи.
17. Выходил с 1833 по 1859 г. Интересно, что А. В. Старчевский тоже принимал участие в редактировании этого журнала.
18. В «Современнике» за октябрь 1856 г. Некрасов и Чернышевский извещали читателей, что журнал «...вошел с некоторыми из известнейших наших писателей в обязательное соглашение...» К ним относились Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, Д. В. Григорович. Редакция сообщала, что все их новые произведения, «...начиная с 1857 года, будут появляться исключительно в «Современнике».
19. Денисов Андрей (1674—1730) — один из руководителей и теоретиков расколического движения. Основал Выговскую пустынь, был автором ряда талантливых сочинений о старообрядских святых.
20. Матвеев Артамон Сергеевич (1625—1682) — близкий царю Алексею Михайловичу, который вторым браком женился на воспитаннице Матвеева Наталье Кирилловне Нарышкиной. В 1674 г. получил сан боярина. Автор ряда исторических трудов о русских царях. После смерти Алексея Михайловича (1676) сослан в Пустозерск, затем в Мезень. Возвращен из ссылки Петром I, а через 4 дня пал жертвой стрелецкого бунта.
21. Филимонов Владимир Сергеевич (1787—1858) — писатель и драматург. Учился в Московском университете, участвовал в Отечественной войне 1812 г., был архангельским губернатором. В 20—30 гг. пользовались широкой известностью его стихи, поэмы, романы, повести, драмы, переводы, статьи. Был в дружеских отношениях с Дельвигом, Языковым, Баратынским, Жуковским. Пушкин посвятил ему ст. «В. С. Филимонову», высоко оценив его поэму «Дурацкий колпак». Стихи Филимонова отличались веселым юмором.
22. Сенковский Осип Иванович (1800—1858) — редактор ж. «Библиотека для чтения». Писал под псевдонимом Барон Брамбеус. С. 1856 г. — фельетонист в ж. «Сын Отечества».
23. Курочкин Василий Степанович (1831—1875) — поэт. Был талантливым переводчиком. Познакомил русского читателя с творчеством французского поэта-сатирика Беранже.

23. Серов Александр Николаевич (1820—1871) — композитор и музыкальный критик. Сотрудничал в «Сыне Отечества».
24. Знаменский Петр Васильевич (1836—?) — историк русской церкви.
25. Яковлев Владимир Дмитриевич (1817—1884) — писатель, сотрудничал во многих журналах, в том числе в «Сыне Отечества». Писал путевые очерки, стихи, повести, критические заметки.
26. Потехин Николай Антипович (1834—1896) — писатель, драматург, брат А. А. Потехина. Окончил юридический факультет, был арестован по делу о сношении с лондонскими эмигрантами, но вскоре освобожден. Сотрудничал в «Искре», «Отечественных записках».
27. Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — редактор журнала «Отечественные записки» до 1867 г. Известны несколько писем Максимова к Краевскому.
28. Зотов Владимир Рафаилович (1821—1896) — писатель, драматург, журналист. В 1858—1861 гг. редактировал ж. «Иллюстрация».
29. Н. А. Некрасов приглашал М. сотрудничать в «Современнике», заказывал ему очерк об офенях, но М. уже обещал этот материал в «Библиотеку для чтения» (см. след. письмо).
30. См. прим. 17.
31. Видимо, Максимов использует слова, употребляемые сыном А. В. Старчевского.
32. Максимов имеет в виду молодых литераторов, привлеченных А. В. Старчевским к сотрудничеству в ж. «Библиотека для чтения».
33. С. В. Максимов был старшим. Другие братья родились после того, как отец вступил во второй брак. В письме имеется в виду Николай.
34. О происхождении этого слова Максимов писал в 3 главе книги «Год на Севере»: «Прислушиваясь впоследствии к языку поморов, наряду с корельскими и древними славянскими, я напал на и на такие слова, которые изумительно были по своему метко верному сочинению. Таково, например, слово нежить, заключающее собирательное понятие о всяком духе народного суеверия: водяном, домовом, лешем, русалке, обо всем, как бы не живущем человеческой жизнью».
35. Генкель Вильгельм (Василий Егорович) (1825—1910) — петербургский издатель и книготорговец.
36. Гедеонов Иван Михайлович (1816—?) — генерал от инфантерии, позднее сенатор.
37. Мей Лев Александрович (1822—1862) — поэт, драматург и переводчик. Вместе с Максимовым сотрудничал в «Библиотеке для чтения», был корректором, за что бесплатно проживал в доме Старчевского.
38. Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — поэт. Современники отмечают в его характере терпеливость, усердие, аккуратность. Но стихи его, по мнению В. Г. Белинского, предназначались «для средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга».

У. ХРОНИКА

Бакишев В. А. [Кострома]

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Демократические перестроечные процессы, происходящие в настоящее время в советском обществе, привели к пересмыслению роли религии в истории нашего государства и вклада церкви в культурную сокровищницу русского народа.

На встрече с Патриархом Московским и всея Руси Гименом и членами Синода Русской православной церкви глава нашего государства М. С. Горбачев так определил значение 1000-летия взведения христианства на Руси: «...это знаменательная веха на многовековом пути развития отечественной истории, культуры, русской государственности».

Издrevле русскую землю украшали величественные храмы и менее знаменитые сельские каменные или де-

ревянные церкви, построенные зачастую по проектам безвестных зодчих с помощью всего народа. Немало таких памятников архитектуры хорошо сохранилось до нашего времени, в то же время многие из них, в силу известных причин, приходили в запустение, руинировались, служили немым укором нашей бесхозяйственности, свидетельствовали о пренебрежительном отношении к непреходящим ценностям, созданным народом.

Сейчас такое положение с сохранением культурных зданий и находящихся в них культурных ценностей в корне меняется. Отвечая на просьбы верующих, Советское государство в последние годы передало Русской православной церкви Свято-Данилов монастырь в Москве, исторический и культурный памятник Оптину пустынь в Калужской области, Толгский монастырь в Ярославской области, часть Киево-Печерской Лавры и часть монастыря и скитов на Валааме, оказало большую помощь в восстановлении после пожара Троице-Сергиевой Лавры в Загорске. За два последних года открыто около 3000 новых приходов по всей территории РСФСР, в том числе и в Костромской области.

В 1988—89 годах в нашей области зарегистрированы восемь религиозных обществ, которым решениями соответствующих горрайисполкомов для молитвенных целей переданы бывшие культовые здания-церкви, которые, как памятники архитектуры, находятся под охраной государства.

В Костроме, за рекой Волгой, хорошо просматривается белокаменная церковь с колокольней — памятник архитектуры республиканского значения. Она была построена в XVII веке, «во славу Преображения Иисуса Христа на Фаворе» и известна как церковь Спас-Преображения. Здание храма несколько десятилетий не использовалось по своему назначению, постепенно разрушалось, от резких погоднотемпературных колебаний была утрачена часть уникальных росписей интерьера здания. Решением Костромского облисполкома и Совета по делам религии при Совете Министров СССР Спасо-Преображенская церковь передана в пользование Костромской старообрядческой общине. В настоящее время в ней ведутся реставрационно-строительные работы, приведение в порядок прилегающей к церкви территории, в храм подведены газовое отопление, электрическое освещение, строится церковная ограда. Летом 1989 года Спасо-Преображенский храм был освящен, в нем проходят службы.

Восстанавливается Успенский собор в Кологриве, памятник архитектуры местного значения. Каменная церковь и колокольня были построены в 1807 году. В этом храме хранилась шестилетовая явленная икона Божией Матери Успения, местонахождение которой в настоящее время неизвестно. С 1930-х годов церковь, являясь по существу бесхозной, разрушалась. По просьбе верующих Кологривский райисполком передал ее организованной в 1988 году религиозной православной общине. Сейчас вновь засверкали купола и покрытая оцинкованным железом кровля, ведутся реставрационные работы внутри здания, освобождены от мусора помещения церкви и прилегающая территория, заменены рамы окон и дверей, проходят службы. Вскоре Успенский собор, расположенный на самом высоком месте в Кологриве, станет основной доминантой этого уютного провинциального городка.

Вновь открыта Воскресенская церковь в селе Воскресенском Островского района, построенная в 1836 году. Эта церковь была действующей до 1968 года, а затем в течение 20 лет здание церкви не использовалось и приходило в запустение. Сейчас ведутся ремонтно-восстановительные работы, и церковь возрождается.

На разливе, в устье р. Унжи, расположено село Ножитино Макарьевского района, в котором имеется Воскресенская церковь. Этот памятник (церковь построена в 1803 году) представляет собой характерный пример провинциальной архитектуры первой половины XIX века, близкой к классическим формам. После закрытия церкви здание использовалось под зерновой склад. В 1971—1976 гг. областное общество охраны памятников истории и культуры провело в церкви консервационные работы. В 1988 году по просьбе верующих

здесь было зарегистрировано религиозное объединение, и макарьевский райсовет передал ему Воскресенскую церковь. Сейчас здание церкви ремонтируется за счет добровольных взносов верующих.

Таким образом, идет возрождение памятников истории и культуры в нашей области. Обретая постоянных рачительных хозяев, они будут сохранены на долгие годы. В настоящее время начались работы по восстановлению Петропавловской церкви в с. Боговарово Октябрьского района, зарегистрировано религиозное общество в с. Палкино, которому также передано культовое здание. Оформляются документы на регистрацию еще ряда православных обществ и на передачу им пустующих церковных зданий.

А. Соловьева [Кострома]

ПРАЗДНИК, КОТОРОГО МОГЛО НЕ БЫТЬ

Имя и дела М. Я. Диева костромичами были незаслуженно забыты. Родившийся 2 ноября (н. ст.) 1794 года на нерехтской земле, он всю жизнь прослужил здесь священником и только за год до смерти переселился в купленное им в последние годы жизни имение Жары Костромского уезда (ныне Судиславского района), где и умер, и был похоронен на кладбище Воскресенской церкви с. Ильинского. Его вклад в отечественную науку — историю, этнографию, фольклористику — трудно переоценить. Некоторые труды его были изданы (М. Я. Диев. Историческое описание Костромского Ипатьевского монастыря. М., 1858; М. Я. Диев. Город Нерехта. Кострома, 1918 и др.), отдельные статьи печатались при жизни М. Я. Диева в журналах, но большая часть его рукописного наследия в хранилищах Ленинграда, Москвы, Костромы еще ждет своего исследователя и издателя.

По инициативе областного отделения ВФК была разработана Диевская программа, которая включала следующие основные моменты: определение места захоронения Михаила Яковлевича и благоустройство его могилы, установка мемориальных досок на домах в Нерехте, связанных с его жизнью и деятельностью, Диевские чтения, подготовка к изданию его трудов.

...Ранним утром 21 октября прошлого года большая группа костромичей — родных М. Я. Диева, краеведов, костромской общественности, гостей из Иванова, Плеска, Москвы, Ленинграда выехала в с. Ильинское к месту захоронения Михаила Яковлевича. Сюда же приехали делегации из Нерехты и Судислава, ученики ближайшей Михайловской восьмилетней школы. Праздник начался с панихиды на его могиле, которую служили отец Поликарп — священник Успенской церкви с. Тетеринского Нерехтского района (в ней в свое время 19 лет прослужил Михаил Яковлевич), отец Александр Андросов — священник Воскресенского кафедрального собора в г. Костроме, отец Сергей Мальцев — диакон того же собора.

После скромных поминок — переезд в Нерехту. Там состоялось посещение Успенской церкви в Тетеринском и бывшего Тронце-Сыпанова монастыря, в котором Михаил Яковлевич служил тоже довольно длительное время. В самой Нерехте на доме, построенном М. Я. Диевым, и на здании бывшего Мариинского женского училища, в котором он преподавал, были открыты мемориальные доски.

Заключали праздник чтения, прошедшие в городской Нерехтской библиотеке. Основная часть выступающих — костромичи, но были выступления и гостей — ученых из Ивановского университета, объединения «Союзреставрация», ИРЛИ (Пушкинского дома АН СССР). Докладчики говорили о вкладе М. Я. Диева в историческую науку, этнографию, изучение Костромского края, о состоянии рукописного наследия ученого, собранного в хранилищах Ленинграда, Москвы, Костромы; о жизни священника и ученого, полной трудов и терний.

Сейчас продолжается сбор денег на благоустройство могилы (счет областного отделения ВФК № 701603 в операционном управлении Жилсоцбанка г. Костромы — с пометкой «на благоустройство могилы М. Я. Диева»),

поступило 800 рублей; готовится проект ограды и памятника. Планируется весной привести место последнего упокоения священника и ученого в достойный его памяти вид.

Королева И. Г. [Кострома]

О РАБОТЕ ГРУППЫ «ПОЧИН» В г. КОСТРОМЕ

Движение добровольной помощи реставраторам в нашей стране возникло в 70-е годы. К настоящему времени оно получило развитие во многих городах России: Москве, Архангельске, Вологде, Тобольске, Рязани, Ярославле, Ленинграде и др.

Субботники на реставрируемых памятниках архитектуры проводились и в Костроме, но они были разовыми. Работа же добровольцев, имеющая конечной целью привести в порядок территорию кладбища у церкви Иоанна Богослова XVII века в Ипатьевской слободе, приобрела систематический характер. Субботники начались по инициативе областного отделения Всероссийского фонда культуры и областного отделения ВООПИИК. Первый субботник состоялся 18 июня 1988 года, и с этого времени они проходили регулярно каждую неделю. Постепенно сложился актив добровольцев — участников этих работ, появилось название группы — «Почин».

Всего к середине ноября 1988 года был проведен 21 субботник, в которых принял участие 331 человек. За пять месяцев работы были полностью расчищены от земли и зарослей отмостки вокруг церкви и ограды протяженностью около 400 метров, вырублено большое количество кустарников, деревьев, со значительной части кладбища убран и вывезен мусор. Начато восстановление надгробного памятника на могиле известного религиозного философа, профессора Московской духовной академии, уроженца с. Селище под Костромой, Ф. А. Голубинского, чье захоронение включено в Свод памятников истории и культуры по Костромской области (к началу работ на месте могилы была обнаружена свежая яма, большой чугунный памятник, уздечный крестом, был разбит, металлическая ограда уничтожена).

В работе «Почину» большую помощь оказали судомеханический завод (директор Величко В. Г.) и специализированное управление механизации облграждантреста (начальник — Торочкин М. Н.), регулярно выделявшие транспорт для вывозки мусора. Вместе с членами «Почина» на кладбище работали местные жители — родственники погребенных здесь (с момента закрытия кладбища в 1960 году оно стало недоступно и для посещений) — красили памятники и ограды, ставили новые, поправляли могилы.

Зимой 1988—1989 годов группа провела несколько субботников в Богоявленском соборе Богоявленского монастыря и в Алексеевской церкви (ул. Катущечная) по уборке реставрационного мусора.

Второй сезон субботников у Иоанна Богослова открылся 23 апреля 1989 и продолжался все лето. За это время были закончены основные работы по благоустройству кладбища, восстановлен памятник Ф. А. Голубинскому (кроме ограды, которую предполагается изготовить в 1990 году). Летом 1989 года «Почин» провел один субботник у церкви Рождества Христова на Городище, реставрация которой близится к концу; полтора месяца работы были посвящены памятнику архитектуры XVII века — Знаменской церкви — бывшему зимнему храму при церкви Воскресения на Девре (ул. Кооперации). Вокруг церкви вырублены все деревья, разрушающие кладку стен и закрывающие вид на храм.

С конца лета «Почин» перешел на другое старое кладбище Костромы — у церкви Спаса-на-Запрудне, служившее в XVIII—XIX вв. главным местом захоронения основных родов костромского купечества и промышленников: Дурьгиных, Солодовниковых, Михинных, Зотовых, Кашинных и др. Поскольку церковь на Запрудне никогда не закрывалась, кладбище при ней менее запущенное, чем Иоанна Богослова, но урон в свое время ему был нанесен большой. За осенние месяцы кладбище было очищено от зарослей сорной травы, от излишних ку-

старников и деревьев; поднят и установлен на прежние места ряд поваленных надгробных памятников XVIII—XIX веков, несколько памятников откопаны из земли, намечены работы по восстановлению кованых фигурных оград, ныне деформированных или почти полностью уничтоженных. Последний субботник на Запрудне состоялся 6 ноября 1989 года. С весны 1990 года «Почин» продолжит работы параллельно на двух кладбищах — у ц. Иоанна Богослова и у ц. Спаса-на-Запрудне. В планах группы также — проведение благоустроительных работ на третьем (и последнем из сохранившихся в Ко-

строме) старинном кладбище у ц. Антонины и Александра в бывшем селе Селище.

За два года своей деятельности «Почин» сложился в достаточно крепкую и работоспособную группу численностью 25 человек. Президиум правления областного отделения Фонда культуры рекомендовал «Почин» в стипендиаты Всероссийского фонда культуры на 1990 год. Решением президиума правления Всероссийского фонда культуры от 22 ноября 1989 года «Почин» утвержден коллективным стипендиатом ВФК.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.	3
А. В. Соловьева. Основные направления деятельности Костромского областного отделения Всероссийского фонда культуры.	5
I. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМЫ.	
1. Памяти А. А. Григорова.	7
2. А. А. Григоров. Немного о прошлом Заволжья г. Костромы.	7
3. Вс. Ник. Иванов. Юность и свобода (отрывок).	9
II. ИЗ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ.	
1. Е. А. Флейман. Деятельность Костромского научного общества по изучению местного края в 1917—1930 гг.	10
III. ЭКОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ.	
1. Анкета Фонда культуры	12
2. Ответы на анкету Фонда культуры.	12
3. Н. А. Зонтиков. Возвращение Родины. О восстановлении исторических названий Костромского края.	15
IV. ЭКОЛОГИЯ ПРИРОДЫ.	
1. А. В. Письмеров. Разрушение и гибель таежной биоты.	24
V. НАШИ ПУБЛИКАЦИИ.	
1. Письма С. В. Максимова к А. В. Старчевскому (Подготовка текста, вступительная статья и комментарий А. В. Павлова).	28
VI. ХРОНИКА.	
1. В. А. Бекишев. Возрождение.	33
2. А. В. Соловьева. Праздник, которого могло не быть.	34
3. И. Г. Королева. О работе группы «Почин» в г. Костроме.	34

**Коллектив авторов
КОСТРОМСКАЯ ЗЕМЛЯ
Краеведческий альманах.
Выпуск I.**

Редактор Ю. В. Лебедев.

Сдано в набор 30.03.90. Подписано к печати 10.07.90.
АК 05359. Формат бум. 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 5.
Бумага газетная. Печать высокая. Тираж 1000 экз.
Заказ 2734. Цена 2 руб.

